

Автобиографи я Тамерлана

Наби-джан-Хатыф



SHOUT
SHARE IT

Annotation

С помощью Божьей я окончил эту книгу. Бог прощает всем людям их прегрешения, поэтому и я прошу благосклонных читателей не ставить мне в вину сделанные мною промахи в словах тюркского и уйгурского наречий и не сердиться на меня за эти невольные ошибки.

В 1835 году я написал эту книгу, придерживаясь в точности того, что было написано со слов самого «сахиб-уль-кырана» Тимура. Я остановился на описании примирения Тимура с Хусайном, во-первых, потому, что на этом оканчивалась и персидская рукопись а, во-вторых, и потому, что «мир лучше войны». Согласно этого изречения я и закончил свой труд описанием примирения, чтобы в конце было хорошее.

- [Наби-джан-Хатыф](#)

- ☐ [Часть 1](#)
- ☐ [Часть 2](#)
- ☐ [Часть 3](#)
- ☐ [Часть 4](#)

Наби-джан-Хатыф

Автобиография Тамерлана

Часть 1

Во имя Бога, милостивого, милосердного.

Да будет ведомо всем счастливым детям, могущественным родственникам, почетным приближенным и визирям, что Всевышнему благоугодно было поставить меня пастырем парода, возложить на голову мою венец царский и утвердить меня на престол. Всеми этими милостями я обязан присущим мне двенадцати нравственным качествам.

1. Первым таким качеством я считаю беспристрастие. Я ко всем относился одинаково строго и справедливо, не делая никакого различия и не выказывая предпочтения богатому перед бедным.

2. Я всегда строго хранил заветы веры и относился с подобающим уважением к людям, возвеличенным силою Божией.

3. Я щедро раздавал милостыню бедным и терпеливо разбираю каждое дело, прилагая все усилия к тому, чтобы разобрать его как можно лучше.

4. Все мои действия я направлял к общей пользе, не причиняя никому без нужды никакой неприятности и не отталкивая обращающихся ко мне по разным случаям. Текст Корана, смысл которого, что слуги Божьи должны исполнять одни лишь Его повеления и от Него принимать милости, был мною усвоен, и во всех делах своих я им руководствовался.

5. Делаю, относящимся к вопросам веры, я отдавал всегда предпочтение пред делами житейскими, мирскими, и только исполнив в точности все, что требует от человека религия, что надлежит Богу, я принимался за исполнение дел житейских.

6. Я всегда был правдив в своих речах и умел отличать правду и том, что мне удавалось слышать о настоящей и будущей жизни Между прочим, я слышал рассказ, что когда Всевышний сотворил первого человека – Адама, ангелы сетовали на Бога за Его первое творение, скорбя, что это дело всемогущего Бога не будет иметь благих последствий. Ангелы высказали Богу уверенности, что созданный Им человек, без всякого сомнения, будет обманывать себе подобных, не будет исполнять данных другим обещаний, будет совершать убийства и, вообще, своей несправедливой жизнью заставит своего Творца раскаяться в том, что человек создан. Бог ответил Ангелам, что случаи проявления людской злобы Им предусмотрены и что, сотворив род человеческий, Он имеет в виду ниспослать на землю меч, который воздаст должное преступным людям за их злые деяния. Обдумав содержание этого рассказа, я пришел к заключению, что Бог подразумевал под этим

карающим неправду мечом правителей созданного Им человечества, и прилагал все усилия, чтобы поступать во всем справедливо и правильно судить обо всем, что встречалось в моей жизни.

7. Я никогда не давал такого обещания, которого не в состоянии был бы исполнить. Исполняя и точности данные мною обещания, я никому не причинял вреда своей несправедливостью.

8. Себя я считал первым, усерднейшим слугою Бога на земле и без повеления Бога, или пророка, не предпринимал ничего. Без воли Божьей я не причинял вреда ни одному из населявших землю народов Лицам высокопоставленным и простому народу я одинаково желал сделать добро. По мне не было никогда желания завладеть чьим-либо имуществом, и я никогда не заботился о том, чтобы скопить побольше материальных богатств. Никогда я не чувствовал зависти к кому-либо. В этом отношении для меня был крайне поучителен пример амира Хусайна, причиной падения которого была жадность, проявленная им по отношению к имуществу своих подданных.

9. Я придавал одинаковую веру и старался в точности исполнить как повеления Божьи, так и откровения Пророка. Во всех поступках своих я руководствовался исключительно указаниями Шариата и всеми силами уклонялся от дурных дел. Пророка и его последователей я почитал своими единственными и лучшими друзьями

10. Я высоко поднял на земле знамя Ислама и в распространении веры видел всегда могучий залог собственного моего величия. Я слышал, что вера и величие как бы рождены из одного чрева и потому только то могущество прочно, которое зиждется на твердой вере.

11. Я всегда относился с должным уважением к саидам, почитал улемов и шейхов. Эти лица всегда участвовали в моем совете и все, что ими указывалось по делам веры, я всегда выслушивал со вниманием и исполнял в точности. За это народ меня очень любил и все были мне признательны. В отношениях своих к упомянутым лицам, я руководствовался примером царя Константина; этот благочестивый правитель однажды собрал войско, чтобы идти войной на царя Рай. Двигаясь с войском в стране последнего, Константин вдруг узнает, что в совете царя Рай заседают саиды, улемы и шейхи. Узнав это, Константин отказался от мысли покорить царство Рай и поспешил возвратиться назад со своим войском. Своим приближенным и военачальникам царь объяснил свое решение тем, что в книге Самауви говорится о важности присутствия в совете царском почетных лиц духовного звания. «Если в совете царя заседают

духовные лица, сказано там, то никто не в состоянии одолеть такого царя». Константин с дороги написал султану Рай, что правление его подобно правлению царя царей, а потому он раздумал идти воевать с царем, которого не может победить.

12. Своим милостивым вниманием я снискал признательность людей даже самого низкого общественного положения юродивых, не имеющих определенного пристанища. Я всеми силами старался улучшить положение этих люден. К мусульманам я был снисходителен, за каждую маловажную провинность не взыскивал слишком строго. К потомкам пророка я всегда относился с подобающим уважением. Я избегал выслушивать людей, говорящих неправду. Я слышал, что слава царей зависит от их милостивого отношения к своим подданным, и в Коране сказано, что, простив вину одному виновному, правитель тем самым оказывает милость всем людям. Примером таких милостивых царей я и руководствовался во всех своих действиях. Я слышал, что если Бог возвеличит кого-либо и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет, если же такой человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество. Последствие этого, чтобы поддержать свое могущество, я взял в одну руку свечу справедливости, а в другую – свечу беспристрастия и этими двумя светочами освещал всегда свой жизненный путь, т. е. правилами этими руководился во всех своих поступках. Я выбрал себе четырех министров, проникнутых теми же идеями; назову из них Махмуд Шахаба Хорассанского и Насреддин Махмуда-уль-Арамыра. Этим министрам я повелел неусыпно следить за мной и останавливать меня каждый раз, как я вздумаю поступить несправедливо, поверю чьим-либо ложным словам или захочу воспользоваться чьим-либо чужим имуществом. Я слышал, что Бог, возвеличивая какого-нибудь человека, оказывает ему тем самым великую милость, и такое благоволение Творца обязывает возвеличенного человека в свою очередь быть справедливым и милостивым. Сидя на престоле, я постоянно помнил об этом и вполне усвоил себе эти качества.

Сильное войско мое, расположившись у Эрзрума заняло всю степь, окружающую этот город; взглянул я на войска свои и подумал: ведь вот я один и, кажется, не обладаю никакой особенной силой, а все это войско и каждый воин в отдельности – все безусловно повинуются моей воле. Стоит мне отдать какое-либо приказание и оно будет в точности исполнено. Размышляя таким образом, я возблагодарил Создателя, так возвеличившего меня среди своих рабов, и спросил у мудрых высших духовных

лиц, в чем заключается причина повиновения всей этой массы людей моей воле. Улемы объяснили мое влияние тем, что меня осенило величие Божье, и потому я силен силою и волею Божьей. Они привели текст Корана, в котором сказано, что если правитель во всех своих действиях будет руководствоваться справедливостью, то все подданные его будут ему повиноваться беспрекословно, а враги его будут трепетать пред ним. При этом преданность такому царю его подданных объясняется тем, что нет никакой причины не быть признательным и послушным такому правителю.

Когда мне исполнился 21 год, я задумал отправиться в путешествие. Прежде всего я обратился за напутственным благословением к шейху Заинуддину-Абубекру Тайбадскому. Этот старец, благословляя меня на задуманное мною дело, препоясал меня поясом, дал мне шапку и вручил коралловое кольцо с надписью: «рости-расти», что означает: если будешь справедлив, то во всем встретишь удачу. Шейх пожелал мне всякого успеха в делах и между прочим рассказал, что из бывшего ему откровения он узнал, что на земле есть один человек, который но всем меня поддерживает, называя наибом пророка, что теперь я не могу увидеть этого человека, но когда-нибудь он сам посмотрит на меня счастливым взглядом...

Оба мы совершили омовение, и затем Саид Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру. Я усердно молился, и молитва доставила мне большое наслаждение. Помолившись, кутб сказал мне: «Ты Божий гость и потому, во имя гостеприимства, Бог готов исполнить все, о чем ты его теперь попросишь». Я стал просить утверждения в вере (иман). Тогда мой бывший конюх сказал: «Вера принадлежит пророку; вера есть город, вне которого некоторые произносят: „нет божества, кроме Аллаха“; другие, внутри его, говорят, что кроме Аллаха, нет божества; имя того города „баб-ул-абваб“, там жилище произносящего счастливые слова: „Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Бога“».

После этого конюх снова начал класть поклоны, и я последовал его примеру. Когда я поднял голову после поклона, я заметил, что кутб уже умер.

В отчаянии, я возвратился к шейху, которого оставил, и рассказал ему подробно все, что случилось со мною с того времени, как мы расстались.

Шейх сказал мне: «Владычество принадлежит одному кутбу, наместнику Бога, который, по приказанию кутба кутбов, оказывает помощь султану; к последнему, по смерти кутба, переходит вся власть. Власть Кайсара поддерживал один человек

Божий, этот народ исчез и власть его перешла к тебе».

Эти слова почтенного старца навели меня на мысль, что мое могущество и слава дошли тоже до высшей точки, но я надеялся, что на мое место встанет какой-нибудь справедливый царь. Чтобы сделать богоугодное дело, я отпустил на волю 4000 пленных «руми» и защитил Туран от набегов узбеков. Мне удалось прекратить в этой стране грабежи, и я овладел страной Мавераннахр. За мое благополучие стали молиться во всех мечетях имамы, стоящие на возвышениях (минбар), за меня стали возносить к Богу молитвы потомки пророка и высшие духовные лица.

Однако нашелся недовольный таким отношением ко мне народа. Хазрет Убайдулла, самый знаменитый из высших духовных лиц, громко высказал: «Тимур – кровожадный турок: он убил много народа; за него молиться нельзя».

Вскоре после выраженного таким образом протеста против молитв за меня, Убайдулла в одну ночь видит во сне самого пророка и рядом с ним, меня сидящим. Убайдулла трижды почтительно поклонился пророку, но тот не обратил на него никакого внимания и даже не счел нужным ответить на обращенное к нему приветствие. Огорченный таким обращением, Убайдулла, обратился к пророку с речью: «О, пророк Божий! я слуга твоего шариата, Тимур – кровопийца, истребивший много людей, между тем ты его принимаешь, а меня отвергаешь». Пророк, выслушав Убайдулла, возразил ему, что хотя, действительно, по моей воле гибнет много людей, но этот грех свой я вполне искупаю своим почтительным вниманием к потомству пророка на земле и потому, без всякого сомнения, за такого правителя народ должен молиться.

Услышав такое мнение самого пророка, Убайдулла проснулся и поспешил ко мне, чтобы выпросить прощение за причиненную мне, по неведению, неприятность. Все это быстро узнал весь народ, и все убедились, что за меня молиться следует. Подданные мои сказали: «Да поможет ему Бог» и поняли, что я действительно пользуюсь особенной милостью Божьей.

Убедившись, что Пророк милостиво не отказывает мне в своей помощи, я стал еще с большим уважением относиться к его потомству.

Одной из милостей Божьих было то, что в 1398 г. я с 400 000 конницы двинулся к г. Эрзруму. Двигаясь по направлению к этому городу, вместе со своим войском, я внимательно наблюдал за тем, что делается по сторонам дороги, по которой мы шли. Я скоро заметил, что со стороны Ирака к нам приближается большая толпа народа. Через час воины, охранявшие движение

моей армии, донесли мне, что со стороны Ирака видна еще толпа арабов. Прошел еще час, и я получил новые сведения, что к моему поиску прибыла большая толпа бедуинов и саидов из Кербеллы и Педжефа. Всеми этими людьми предводительствовал саид Паттах, а пред ним несли белое знамя.

Я очень обрадовался прибытию такого подкрепления и решил, что, вероятно, люди эти прибыли ко мне на помощь по воле Божьей. Сайд Паттах, приблизившись ко мне, сказал: «Во сне мне явился четвертый халиф, Али, и приказал мне: доставь белое знамя брату моему Тимуру. Жители Неджефа, в свою очередь, сказали, что белое знамя доставлено мне как помощь, при осуществлении задуманного мною дела, как средство к исполнению моего желания овладеть Эрзрумом. Услышав все это, я пал ниц, благодаря Бога за помощь, и приказал записать это событие в историю моих подвигов. В то же время ученые, находившиеся в моей свите, нашли в Коране изречение, указывающее, что в том году Рум должен пасть; в то время прибыл Инги

– Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово „победа“ за хорошее предзнаменование и вручил ему белое знамя. Он бросил взгляд на белое знамя и начал битву.

Бог и в других случаях, кроме приведенного, неоднократно помогал мне; так, когда я собирался в поход к столице Рума, я пожелал узнать наперед, суждено ли осуществиться моему намерению. Для этого я отправился на могилу святого шейха Ясави и просил погадать мне. При посредстве гадания я узнал, что если во время войны я буду находиться в затруднительном положении, то мне стоит только прочесть нижеприведенное четверостишие и успех дела будет вне всякого сомнения. Стихи, которые должны были оказать мне такую помощь в трудную минуту, следующие:

„Ты, который по своему желанию волен темную ночь
обратить в день.

Ты, который можешь превратить всю землю в
благоуханный цветник.

Помоги мне в трудном деле, которое предстоит мне, и
сделай его легким.

Ты, который делаешь легким все затруднительное“.

Я твердо запомнил эти стихи, и во время боя с Кайсаром 70 раз прочитал их про себя и одержал победу.

Бог помог мне и в следующем, 1399 году. Потомок Чингисхана, Туклук Тимурхан собрал войско для завоевания

Мавераннахра и перешел у Ходжента Сыр-Дарью. Мавераннахские амиры и Хаджи Барлас из страха бежали в Хорасан и перешли Сайхун (Сыр).

Я сам был в нерешимости: последовать ли общему примеру и искать спасения в Хорасане или же добровольно присоединиться к войску Туклук Тимурхана.

Единственным средством разрешить мучившее меня сомнение было – посоветоваться об этом деле с моим духовным наставником, и я поспешил послать письмо шейху Заинуддину Абубекру, спрашивая, как поступить мне в данном случае. Шейх отвечал:

„Четвертый халиф Али привел такое изречение Платона: если небо – лук и судьба – стрелы, то стрелок – Всевышний Бог; куда бежишь? Прибегни к самому себе и присоединись к Туклук-Тимурхану, так как он Божья тень“.

Я понял ответ шейха в том смысле, что Богу угодно, чтобы я действовал заодно с Туклук Тимурханом, и потому поспешил присоединиться к нему у Ходжента на берегу реки Сыр-Дарьи.

Хан был очень доволен, что я добровольно присоединился к нему и, по воле Божьей, облек меня полным доверием. Ни одного из своих предположений хан не приводил в исполнение, не посоветовавшись предварительно со мною. Так, однажды, до сведения хана дошло, что его эмиры в кипчакской степи подняли знамя бунта. Хан спросил моего совета, как следует поступить о этом случае: идти ли на кипчаков самому, чтобы примерно наказать виновных, или же послать только войско? Я сказал:

„Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности; если пойдешь сам – одна опасность; умный человек тот, кто предпочитает одну опасность двум“. Другой раз хан спросил моего сшита но какому-то делу, и я ответил ему так: могущество твое подобно громадному шатру, раскинутому над всем Мавераннахром. Столбы, поддерживающие этот шатер – справедливость, веревки, на которых покоится крыша – беспристрастие, и колья, которыми укреплена палатка – правда; этими тремя качествами поддерживай свое могущество, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер. Всякий под сенью этого шатра найдет спасение, а бегущий от него – погибнет. Шейхам, улемам и саидам оказывай подобающее их высокому сану уважение, ко всем вообще относись справедливо. Хороших людей поощряй подарками, дурных – старайся исправить наказаниями; войско снабжай всем необходимым, а служащим у тебя исправно плати назначенное им жалованье; пусть воин будет убит, но жалованье он непременно должен получить.

Однажды люди царской свиты ограбили народ; потерпевшие

пожаловались. Хан спросил у меня совета, и я ответил, что у турков ум такой же узкий, как их глаза; поэтому, чтобы добиться от них преданности, необходимо насытить их глаза и сердце. Туклук Тимур остался очень доволен моим ответом. Вскоре хан отправился на кипчаков, сам предводительствуя войском, а мне, на время своего отсутствия, вверил управление Мавераннахром.

Туклук Тимурхан, поручая мне управление страной, снабдил меня грамотой, в которой значилось, что Туклук Тимур отдал Мавераннахр брату своему Тимуру. Это было сделано во избежание междоусобий и притязаний врагов Туклук Тимура...

По так как Ильяс-Ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя, то эмиры и узбеки не оказывали ему послушания. Однажды жители Мавераннахра пожаловались мне, что узбеки требуют, чтобы им были выданы 1000 девушек. Я доложил об этом Ильяс-Ходже. Он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили на его приказ ни малейшего внимания. В то время некоторые из персидских саидов принесли жалобу, что узбеки увели в плен 70 потомков Пророка, саидов. Такая неслыханная дерзость окончательно вывела меня из терпения; я быстро двинулся за ними и освободил из плена саидов. Узбеки негодовали на меня за такой поступок и, чтобы повредить мне во мнении Туклук Тимура, послали ему донос, будто бы я намерен отделиться и восстать против него. Туклук Тимур прислал грамоту, чтобы меня казнили за измену, но совершенно случайно приказ этот попал в мои руки, и я принял все меры предосторожности, чтобы защитить себя от совершенно незаслуженного мной наказания. Как раз в это время во сне явился мне пророк и объявил, что за освобождение мною из плена 70 саидов, семьдесят поколений моего потомства будут царствовать.

Проснувшись, я поспешил сообщить о сновидении своему покровителю и наставнику, шейху Заинуддину Абубекру. Святой человек вскоре прислал мне ответ, что, по его мнению, сон предвещает мне бесчисленное множество побед. Шейх привел мне в пример случай с одной женщиной – матерью Сабуктакина, которой за то, что она спасла от смерти козу, было обещано, что се потомки будут царствовать. Женщина эта спасла от смерти козу, – писал шейх, Заинуддин Абубекр, – а ты освободил из плена 70 потомков Пророка, поэтому можешь быть уверен, что за сделанное тобою доброе дело тебя ожидает в будущем большая награда. Вещий сон исполнился: еще при жизни я доставил престолы шести сыновьям своим.

Вскоре я получил от своего наставника другое письмо, в котором он сообщал мне, что Богу угодно было поставить меня

хранителем (казначеем) своего царства, а Пророк вручил мне ключи от него. Когда узбеки возгорелись сильной враждой против меня, от Туклук Тимура вторично пришло приказание убить меня; они хотели убить меня исподтишка, и стали выжидать удобного момента, чтобы покончить со мною.

Опасаясь измены со стороны моей собственной свиты, я, под предлогом охоты, выехал из Самарканда и укрылся на одном кладбище. Склонив голову на камень, я уснул. Какая-то птица распростерла надо мною свои крылья и так прикрыла мою голову, что солнце несколько мне не мешало. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик баранов словами: „Без бека – ты бек“. Эту фразу я принял за хорошее предзнаменование и отважился возвратиться в Самарканд.

Я получил следующую фетву от почетных лиц города: „От насилий узбеков мир пришел в разрушение; почтенные люди оскорблены, имущество мусульман разграблено. Мы, факиры, саиды и шейхи, единогласно приняли решение подчиниться тебе. Если ты приложишь усилия к истреблению узбеков, мы все встанем за тебя, если же не защитишь нас от насилий узбеков, то в день страшного суда, мы обвиним тебя пред лицом Всевышнего“.

Обо всем случившемся я написал письмо шейху Зайнуддину Абубекру и вскоре получил от него ответ. Мой духовный наставник поздравил меня с честью, которую мне делают саиды и улемы, и писал: „Эта фетва – решающий довод; праведные халифы одобряют твоё назначение“.

Я понемногу стал собирать войско и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому бы я открыл свою тайну; хотя население и подчинилось мне, но я не решился открыто поднять знамя восстания. Когда моя тайна распространилась среди народа, узбеки каким-то образом узнали об угрожающей им опасности и собрались все в одно место. В это время я получил письмо от шейха Зайнуддина Абубекра, который извещал меня, что пророк окажет мне помощь в задуманном мною предприятии. Это известие успокоило меня.

В это время Туклук Тимур снова прислал приказание казнить меня; поэтому святой Амир Куляль посоветовал мне немедленно отправиться в Хорезм. „Всегда следует отступать перед превосходными силами и удаляться от врага, которого одолеть не можешь; так поступали пророки“, – говорил мне Амир Куляль.

Желая узнать, что ожидает меня в пути, я загадал по Корану, и мне открылось изречение: „Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение Сильного, Знающего“. Я понял из этих слов,

что путешествие мое обещает быть вполне благополучным и потому окончательно решил отправиться в путь.

Перед отъездом я написал письмо шейху Заинуддину и в 1362 г., с 60 всадниками, выехал из Самарканда в Хорезм. На пути я получил от шейха ответ следующего содержания:

„Тимур, усвой себе четыре качества:

1. Всякое путешествие совершай по примеру пророка, всякое дело начинай не иначе, как предварительно испросив благословения и помощи у Бога.

2. В своих делах руководствуйся всегда примером святого пророка Авраама, наблюдая, чтобы со время твоего правления, в подвластных тебе странах, не совершалось прелюбодеяния или других тяжких преступлений. Но своему усердию и настойчивости не уступай аисту. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка никакого внимания, а на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка.

3. Всякое дело, по примеру пророка, начинай не иначе, как посоветовавшись с другими людьми. Были цари, которые всякое дело делали по собственному усмотрению, ни с кем не советуясь, и могущество таких правителей не было продолжительным.

4. Подражай четырем правоверным халифам. Будь храбр, заботлив и щедр, всякое дело делай с особенным вниманием. Следуй примеру птиц, которые очень внимательно разбивают яйца, из которых надлежит выйти их маленьким цыплятам“. Во время моего пути однажды совершенно неожиданно ночью на меня напали 1000 всадников. Со своими шестьюдесятью телохранителями я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этой кровопролитной битве, потом я, один на один, сразился с Тугул-богатырем и победил его; богатырь раскаялся в том, что сразился со мной.»

Я отправился далее в Хорасан, но меня захватил в плен хан Алибек. Два месяца мне пришлось томиться в тюрьме, изобиловавшей насекомыми. Однако мне удалось, наконец, выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Вооруженный саблей, я прошел мимо карауливших меня тюремщиков и никто из них, из страха, не осмелился преградить мне дорогу. Прямо из тюрьмы, вооруженный саблей, я пошел к Алибек-хану. Как раз в это время хан получил письмо от брата своего Мухамед-бека, который предупреждал Алибека, что в случае, если Тимур посетит подвластную Алибеку страну, то следует принять Тимура с подобающим почетом. Прочитав письмо и увидев меня перед собой, хан просил меня простить, ему, что, по неведению, он так

жестоко обошелся со мной.

Часть 2

В молодости я слышал от отца моего Амира Тарагая рассказ о виденном им сне; однажды, рассказал мне отец, я увидел во сне, что ко мне подошел красивый молодой человек, лицом похожий на араба и вручил мне меч; я взял меч в руки и стал им размахивать по воздуху; блеском стального клинка осветился весь мир. Я просил святого Амира Куляля объяснить мне это сновидение. Амир Куляль сказал мне, что сои этот имеет пророческое значение, что Бог пошлет мне сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от мрака невежества и заблуждения. Сон этот исполнился:

Бог мне дал тебя, мой сын. Как только ты появился на свет, я тотчас же отнес тебя к; шейху Шамсуддину. Когда я пришел, шейх читал Коран и остановился на следующих словах: «Ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может земле велеть поглотить вас, тогда как она уже колеблется?» Так как в этом стихе Корана встречается слово Тимур, то мы нарекли тебе имя Тимур.

Выслушав рассказ моего отца об обстоятельствах, при которых мне было дано имя, и узнав, что имя мое заимствовано из Корана, я возблагодарил Бога и прочел главу Корана «Табарак».

Однажды я видел во сне, будто бы я закинул невод в большую реку, сеть охватила всю реку, я ею одновременно вытащил на берег всех населяющих воды рыб и животных. Этот сон снотолкователи также объяснили мне как предвещающий великое и славное царствование, – настолько славное, что все народы вселенной мне будут подвластны.

По совету святого шейха Камалая, я отправился к святому саиду Кулялю; саид встретил меня поздравлением с восшествием на престол, который мне суждено преемственно передать моему потомству. Услышав такие слова от почтенного саида Куляля, я очень обрадовался и стал принимать меры к тому, чтобы овладеть всем миром. Все, что я задумывал, удавалось мне, во всяком предприятии я достигал с успехом поставленной себе цели.

Ильяс, сын Туклук Тимурхана с тридцатью тысячами всадников перешел каменный мост и разбил царский шатер. У меня в это время было всего только 6000 всадников и те, видя значительный перевес в силах на стороне нашего врага, пришли в уныние. К нашему благополучию, как раз в это самое время, от хорасанских саидов, живших в Термезе, пришел отряд, который поспешил присоединиться к моему войску. Прибывшие хорасанцы подходящими увещаниями сумели ободрить и укрепить моих

воинов, и они освободились от овладевшего было ими страха пред сильнейшим неприятелем. Я дал сражение Ильясу, и мне удалось победить его. Еще перед сражением, когда мы расположились в виду войска Ильяса и приготовили военные орудия, пришло время молитвы, и я тоже стал молиться. Когда я сделал земной поклон, я услышал чей-то голос, который говорил мне: «Тимур, тебе дарована победа». Подняв голову, я осмотрелся, и оказалось, что подле меня никого нет. Сообразив, что я слышал голос из мира тайн, я принес Богу благодарственную молитву.

Я предпринял поход в Персию. Совершенно неожиданно на меня напал шах Мансур с пятью тысячами всадников. Чтобы сразиться с врагом, я приказал возможно скорей собрать воинов, вооруженных пиками, но, к моему глубокому огорчению, таких воинов не оказалось налицо.

Совершенно неожиданно ко мне явилась помощь оттуда, откуда я и ждать не мог всадник, лицом похожий на араба и вооруженный пикой, прискакал с одной стороны с криком: «О Боже! Дай победу Тимуру». Шах Мансур, услышав этот возглас незнакомца, так перепугался, что без чувств свалился с лошади. Шах Рух поднял его на свою лошадь и увез. Всадник, который так своевременно явился ко мне на помощь, исчез, и я овладел столицей Персии. Я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балх и Бадакшан. В это время шейх Заинуддин Абубекр прислал мне письмо, в котором сообщал мне, что ключи Хорассана вручены мне. Получив такое радостное известие, я не сомневался больше в успехе предстоящего мне предприятия. Когда святой Хызр являлся в Самарканд, мне суждено было увидеть его чудеса; он при этом сказал мне несколько неприятных слов, которые меня огорчили до глубины души.

Выехав из Самарканда, я был очень смущен, думая, что обидевшись на слова, сказанные мне святым Хызром, я огорчил его самого. Когда пришло упомянутое известие, я успокоился и понял, что такого святого не может огорчить простой смертный.

После этого я разрушил до основания капища, в которых туземцы поклонялись своим идолам и распространил в этой стране мухамедданскую веру. Самое большое капище принадлежало Тугул-богадуру. Когда я вздумал его разрушить, ко мне обратились жрецы (брахман), поднесли много золота и просили пощадить кумирню. Я не обратил внимания на их просьбы и велел прогнать их. В кумирне находилась между прочими идолами и статуя человека; когда я хотел уже сделать распоряжение, чтобы сломали это изображение, один из жрецов обратился ко мне с просьбой оставить неприкосновенною эту

статую святого чудотворца, высокочтимого по их вере. По его словам, этот чудотворец был настолько силен, что в одну ночь мог иметь половое сношение с 1600 женщинами. На это я ответил жрецу, что дьявол еще сильнее их чудотворца, он может в одну ночь познать какое угодно число женщин.

Всякое предприятие свое я начинал с доверием к Богу, не справляясь, благоприятствует ли данный момент началу дела, мною задуманного. Тем не менее звездочеты находили, что все, что я ни делал, я предпринимал как раз в то время, какое соответствовало данному событию по расположению звезд.

Результат каждого предпринимаемого мною трудного дела был мне заранее известен: я узнавал то, что меня ожидает, по сновидениям. Так, когда Туклук Тимур впервые пришел в Мавераннахр, я увидел во сне, что будто бы ко мне подлетела птица шагин (сокол) и уселась ко мне на руку. В это время пришло много коров, и я их подоил. Сновидение это, объяснили мне, предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает могущество, а множество коров предвещали мне многие выгоды. И действительно, сон мой исполнился: я присоединился к Туклук Тимуру, и это принесло мне серьезные выгоды.

Амир Хусайн, внук амира Казагана из Кабула, пришел, чтобы отобрать земли, принадлежавшие его отцу. Я ему много помогал, но он решил убить меня, несмотря на то, что я был женат на его сестре. Чтобы примирить его с собою, я назначил его наместником в Балх, но это не только не подействовало на него так, как я ожидал, но он, напротив, почувствовал силу свою, остался моим врагом и задумал воевать со мною. Я тоже сделал необходимые приготовления к войне с амиром Хусайном.

Собираясь на войну, я видел сон, будто бы амир Хусайн, на серебряном блюде поднес мне меч, клинок которого весь сплошь был облеплен мухами. Этот сон мне истолковали так, что сновидение обещает мне помощь в моем предприятии Имама Хусайна, потомка пророка. По смыслу сна, могущество амира Хусайна должно было перейти ко мне, а самого его мне суждено было убить. Все это исполнилось, и я выразил свою благодарность оказавшему мне помощь потомку пророка тем, что совершил путешествие на могилу Имама Рузи.

Однажды я бежал из Самарканда и увидел себя самого во сне плачущим; черный ворон сел мне на плечо, а со всех сторон слетелся рой мух. Я отогнал мух и проснулся в дурном расположении духа. В это время Тугул-богадур напал на меня с тысячью всадников. Я понял, что плач мой во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество мух – Тугул-богадур, которого мне суждено победить. Действительно, вскоре

я сразился с Тугул-богадуром и разбил его наголову.

Когда я отправился в Балх, я видел во сне, будто бы мне поднесли несколько бутылок вина, а я разбил их, ударяя одной из бутылок по остальным. Меч свой я увидел избранным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Мансур напал на меня с 5000 всадников. Я его победил, войско его рассеялось и скрылось в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан, забыв все мои дружеские услуги, сделанные ему в разное время, с бесчисленным войском пришел, намереваясь воевать со мной. Рассчитывая усовестить его, я написал ему письмо, в котором советовал ему не платить мне злом за сделанное ему мною добро, иначе он будет жестоко наказан за неблагодарность. В это время мне приснилось, будто бы луч солнца, с востока, упал мне на голову, но как бы потух и исчез. Снотолкователи объяснили мне, что сон мой знаменует приход Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мною.

Когда я отправился в сторону Ирака, я увидел во сне, что ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через день эмиры явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел этой страной.

Собираясь в поход на Индустан, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев спили множество гнезд. Взяв пращу, я разорил эти гнезда. По мнению снотолкователей, сон этот предвещал, что поход мой в Индустан будет вполне удачен, что и исполнилось в действительности: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с поиском в Сирию, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Сопротивляться тройственному союзу казалось трудным. Я прочел «салават» и лег спать. Во сне я увидел себя восходящим на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Вскоре однако тучи разразились сильнейшим ливнем и туман после дождя рассеялся. Этот сон, по словам толкователей, предвещал мне полную победу над собравшимися против меня врагами. «Гора, объясняли мне, это столица Сирии, цель твоего похода; тучи и туманы – войска твоих врагов, а дождь – это твое войско. Как виденный тобою дождь, выпав, рассеял тучи и туманы, говорили мне, так и твое войско, обрушившись на вражьи полчища, рассеет их». Этот сон исполнился.

Однажды, в то время когда я располагал всего сотысячным войском, на меня напал царь Рума – Кайсар с войском в четыреста тысяч человек. Положившись вполне на заступничество семейства пророка, я прочел «салават» и лег спать. Мне приснилось, что я

нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению видневшейся светлой точки. На дороге я обратил внимание на три кучки золы и поехал дальше. По дороге я догнал пять человек, которые от нас удалялись. Вдруг поднялась сильная буря, и один из шедших по дороге людей объяснил, что эта буря указывает на то, что в это время пророк с большим трудом восходит на небо. Я подошел и удостоился счастья приветствовать пророка. У одного из встреченных нами людей в руках был батик. Пророк знаком руки повелел мне взять этот батик, и я взял его из рук виденного мною человека. Я проснулся, счастливый, что видел во сне пророка и удостоился с его стороны такого внимания. В этот же день я рано утром сразился с Кайсаром, схватил белое знамя, разбил наголову и прогнал его войско. Во время битвы я очень устал и почувствовал себя нездоровым. Думая о смерти, я был очень озабочен, что станется с моим царством после моей смерти и кого из своих потомков мне следует назначить своим преемником, на случай моей смерти. Пророку угодно было успокоить меня: он открыл мне, что 70 поколений моего потомства будут царствовать.

В это время я увидел сон, будто я нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои развесистые ветви и защитило меня от солнечных лучей. В чаще ветвей шумели различные птицы и насекомые, которые все ели плоды тенистого дерева, под сенью которого я отдыхал. Я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие кислыми. Во сне же я услышал голос, что виденное мною дерево представляет мое потомство. Когда я проснулся, снотолкователи объяснили мне мой сон так: дерево – это ты, говорили они, ветви с листьями – твоё потомство, плоды – твоё могущество и богатство, а животные, евшие плоды с дерева – это подвластные тебе народы, которые пользуются твоими щедрыми милостями.

В то время, когда я был озабочен своими делами, я вижу однажды во сне, что меня окружили различные ужасные призраки духов, свиней, некрасивых мужчин и женщин, диких зверей и птиц. Я в ужасе проснулся и поспешил написать письмо о виденном мною сне моему духовнику, наставнику и покровителю, шейху Заинуддину. Вскоре я получил от него ответ.

«Пугала, привидевшиеся тебе во сне, это дурные дела, тобою содеянные, – писал шейх, – поэтому тебе необходимо покаяться». Я чистосердечно раскаялся в своих прегрешениях и увидел сон, совершенно не похожий на прежде виденный мною страшный сон. В этот раз я увидел себя отдыхающим в великолепном саду, украшенном всевозможными цветами и наполненном

фруктовыми деревьями. Посреди сада протекали большие реки и слух мой ласкали нежные звуки музыки. Я снова написал письмо шейху о виденном мною сне, и тот ответил, что я видел хороший сон, и это означает, что раскаяние мое принято Богом и заслужило мне прощение всех совершенных мною прегрешений. «Пророк сказал, писал шейх, что к каждому человеку приставлен злой гений, наблюдающий за его поступками. Своим покаянием ты одолел своего злого гения, и всякому мусульманину надлежит раскаянием и добрыми делами с Божьей помощью ослаблять влияние своего злого гения».

Когда я собирался в поход из Самарканда на Китай, я увидел во сне, будто бы я с ветвей большого дерева слез на землю; на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала и разлилась. В это время отец мой, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад. Оставив меня в саду, отец исчез. Снотолкователи дали мне объяснение виденного мною сна, но я не поверил им, а вполне положился на провидение.

В это же время я видел другой сон: будто бы я заблудился в пустыне, где были дикие звери. Пройдя степь, я пришел в сад, где нашел множество плодов и музыкальных инструментов. В саду же находился громадный трон. Вблизи трона находилась высокая башня, а на вершине ее сидели какие-то люди. Пред каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали в эти книги перьями. Я спросил их, что они пишут, и получил ответ, что на их обязанности лежит вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком. Заинтересованный, я стал спрашивать, кто записывает обстоятельства моей будущей жизни, но в это время проснулся, встревоженный виденным мною сновидением.

В то время, когда я овладел Персией, жители провинции Шираз, с помощью шаха Мансура, убили поставленного мною наместника. За это я распорядился всех ширазцев предать избиению. Ко мне пришел саид Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев, но я не обратил внимания на заступничество саида. В следующую же ночь я увидел во сне пророка, который сурово сказал: «Тимур, ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал население Шираза; разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?» Я в страхе проснулся. Я сейчас же отправился к саиду Джамиль-уль-Кадыру и просил у него прощения за то, что не исполнил его просьбы. Ширазцев я не только помиловал, но даже вознаградил этот народ, а Ходже Махмуду отдал страну Мегриджан. Я понял, что следует беспрекословно исполнять то, что скажут саиды, должно оказывать всевозможное почтение потомству пророка. Любовь к

потомству пророка укрепились в моем сердце. По поводу случившегося со мной и виденного мною сна я написал шейху Заинуддину, который вскоре прислал мне ответ следующего содержания: «Дай тебе Боже всего, что ты у него попросишь. Внуши своему потомству, что помилование пророка существенно необходимо для всех людей. Любовь и почтение к потомкам пророка есть залог спасения в этом и будущем мире. Каждый раз, как станешь на пятикратную молитву, воздай им благословение, чтобы намаз был угоден Богу. Исполнив все это, ты можешь надеяться быть награжденным в будущей жизни. Оказывай как можно больше внимания потомству пророка».

Однажды отец сказал мне:

«Выслушай и запомни те наставления, которые я тебе теперь дам.

1. Почитай и не забывай своих предков, помни, что ты, Тимур, сын Тарагая, Тарагай сын амира Баргуль, Баргуль сын амира Илынгыза, Илынгыз сын Богадура, Богадур сын Анджалъ-нуяна, Анджалъ-нуян сын Суюичи, Суюнчи сын Ирдамчи-Барласа, Ирдамчи-Барлас сын Качули-Богадура, Качули-Богадур сын Тумен-хана, который был родственником сына Яфиса. Из наших дедов Караджар Нуян первый познал Бога посредством размышления о мире, вместе со своими подчиненными, которых рассудок убедил в истинности ислама. Признав Единого Бога царем, он признал визирем пророка Божия, потом признал праведных халифов.

2. Завещаю тебе, Тимур, поступай всегда и во всем по примеру отцов и дедов, согласно Шариата, и потомство пророка почитай и уважай, к народу относись милостиво и снисходительно.

3. Помни, что все мы рабы Бога, заключенные в жизнь рукой судьбы под этим синим сводом; поэтому будь доволен всем, что Бог дает тебе, будь ему благодарен за все его милости к тебе. Повторяй имя Божие, признавай его единство, будь послушен велениям Бога и не делай того, что запрещено.

4. Не разрывай родственных уз и никому не делай вреда. Щедро награждай подарками тех, кто служит тебе, и выработай в своем характере беспристрастие. С каждым созданием обращай снисходительно. Выслушав мудрые наставления моего отца, я твердо решил исполнять их в моей жизни.»

Когда мне исполнилось 17 лет, отец удалился в частную жизнь. Я собрал весь его скот и принадлежащее ему имущество, поставил отдельно каждую сотню баранов и отделил самцов от самок для приплода. На каждый десяток принадлежавших отцу рабов назначил одного старшим.

Я отправился к святому амиру Кулялю. Придя к нему, я сел среди почтенных людей, которых там застал. Амир Куляль тотчас же обратил на меня внимание и сказал присутствовавшим, что хотя с виду я и кажусь человеком бедным и низкого звания, но на самом деле я человек важный. Амир склонил голову и несколько времени сидел молча. Пред ним находились лепешки и халва. Подняв голову, амир передал мне 7 лепешек и часть халвы и сказал: «съешь эти 7 хлебов, и ты будешь властителем 7 частей света, будешь владеть всем миром». Я удивился, и все присутствовавшие пришли в изумление. Я послал полученные 7 хлебов отцу, но отец возвратил их мне и сказал при этом, что амир Куляль – святой и то, что он мне предсказал, должно исполниться. Я спрятал хлебы. И это было для меня началом Божьего благословения.

Однажды отец мой, амир Тарагай отправился к амиру Кулялю, и тот сказал ему: «поздравляю тебя с тем, что Бог послал тебе такого сына, как твой Тимур». Он передал отцу немного пшеницы и изюма и приказал сосчитать зерна и ягоды. Оказалось всего 370 штук. «Вот из этого числа можно узнать о численности твоего потомства», – сказал отцу амир Куляль. Я спрятал зерна, данные амиром Кулялем отцу. Богатство мое все увеличивалось. Обо всем происшедшем со мною я сообщил матери. Мать, помолившись, в свою очередь отправилась к амиру Кулялю. Тот сказал ей: «Женщина! Сын твой будет царем всего света и 370 потомков его будут могущественны, а 70 потомков будут царствовать. В его потомстве может быть и больше царей, но это в том случае, если он будет следовать шариату пророка и не оскорбит его чистого духа». Мать рассказала мне все слышанное от амира Куляля, и я принял твердое решение во всех своих поступках в точности руководствоваться постановлениями Шариата.

Мне минуло 18 лет, я возмужал, стал силен и пристрастился к охоте. Однажды охотясь, я гнался верхом за козой. На пути мне встретился овраг в 5 арш. шириной и 4 арш. глубиной. Я не в силах был сдержать лошадь, конь мой напряг все силы и перепрыгнул овраг, но достал до противоположного берега лишь передними ногами, задние же повисли над пропастью. Я быстро вскарабкался па берег, а лошадь упала в овраг. Спутники мои возблагодарили Аллаха за чудесное спасение моей жизни, никто из сопровождавших меня не в состоянии был перескочить разделявший нас овраг; мне довелось пешком перебраться на тот берег, где я оставил свою свиту, и там уже сесть на коня. Мы двинулись далее, но вскоре пошел сильный дождь, превратившийся вслед за тем в хлопья снега, поднялась буря с

выюгой.

Мы потеряли всякую надежду благополучно добраться до цели нашего путешествия и приготовились к смерти. Однако, вскоре мы заметили вдали какие-то черные предметы. Спутники мои высказали предположение, что это холмы, но я быстро проскакал расстояние верст в восемь, отделявшее нас от видневшихся на горизонте предметов. Приблизившись, я увидел свет и различил в темноте сплетенную из камыша юрту, куда и поспешил укрыться от снега. Впоследствии, когда я сделался амиром, я, в благодарность за оказанное мне гостеприимство, освободил от уплаты податей приютившего меня хозяина юрты со всем его родом и наградил его за оказанную мне в критическую минуту услугу. Когда мне исполнилось 19 лет, я заболел. Меня лечили всеми возможными средствами, но никакие лекарства не помогали; я семь суток не ел, не пил, а лежал весь в жару. В это время окружающие обратили мое внимание на рану, открывшуюся у меня на руке между пальцами. Придворные плакали, опасаясь за неблагоприятный исход болезни, я и сам плакал, но вскоре поел и поправился.

Однажды, когда я находился в комнате моего отца и был занят чтением главы Корана «Табарак», предо мной предстал саид с длинными волосами и предсказал мне, что я буду великим царем. Я не замедлил сообщить отцу о виденном мною. Отец обратился к звездочетам за разъяснением, какая судьба меня ожидает, и те предрекли, что я буду таким могущественным царем, равного которому нет во всем мире. Радуюсь, что мне в жизни предстоит великая будущность, я раздал больным щедрую милостыню.

Достигши 20-летнего возраста, я полюбил верховую езду и часто, разделив своих сверстников на два отряда, устраивал примерные сражения между ними.

Мне исполнился 21 год, я достиг совершеннолетия и почувствовал себя вполне зрелым мужчиной. В этом году, который был кратным семи, у отца моего амира Тарагая и его подданных все посевы дали богатый урожай, родилось также очень много скота. Я назначил старшего на каждый десяток рабов, каждые 20 лошадей соединил в отдельный косяк, а каждые 10 косяков поручил отдельному рабу для присмотра за каждым десятком верблюдов, за каждой тысячей баранов я также приставил отдельного раба. Управление всем принадлежащим мне имуществом я вверил особому, заслуживавшему полнейшего доверия рабу. Сделав все это, я сам сильно заболел. Один самаркандский лекарь посоветовал мне пить сок граната. Напившись этого сока, я лишился чувств. Родные мои были очень

огорчены моей опасной болезнью и плакали. Туркестанский врач вылечил меня, пустив мне кровь. Я дал в милостыню много лошадей и баранов, я обещал принести в жертву души пророка 100 верблюдов, кроме того, много верблюдов душам праведных халифов; благодаря молитве и милости Божией, я совершенно выздоровел.

В этом году султан Кран, сын Саура, причинил немало вреда и жестокостей в Чагатайском улусе. Бедные и богатые молились, чтобы он скорее умер. Я хотел наказать Крана и стал собирать для этого войско; хотя я многим делал добро, но в деле войны у меня нашлось так мало помощников, что я должен был ждать удобного случая. Амир Казган, глава Чагатайских амиров, сразился с Краном в долине Зенги. К удивлению всех людей, справедливый был побежден жестоким, и Кран, вследствие этого, причинил еще больше вреда. К жестокостям, которые пришлось вынести населению, вскоре присоединилось еще новое бедствие: настал сильный холод, и все предметы первой необходимости сильно вздорожали. Наконец, амир Казган собрал многочисленное войско, разбил наголову жестокого Крана, взял его в плен и вознаградил обиженных им.

Я желал сделаться правителем одного лишь Мавераннахра, но так как амир Казган был милостивый и справедливый правитель своего народа, я удержался.

Достигши 22-летнего возраста, я решился поднять восстание в союзе с Барласом. Я собрал на совет 40 молодых людей, вместе со мною учившихся в школе, и предложил на их обсуждение свое намерение собрать войско на гору Арафат. В это время скончалась мать моя, и я устроил по этому случаю поминки. Вскоре отец мой сосватал мне дочь амира Чагуй-Барласа.

Однажды по делам улуса я пришел в то место, где амир Казган заседал в совете. Здесь же был и отец мой. Придя в совет, я разговаривал с самим амиром Казганом, и он не только милостиво принял меня и выслушал, но даже отдал мне в жены свою внучку. Я был очень доволен такой честью. Я получил от амира Казгана много имущества и скота. Он не был особенно могущественным правителем, и мне легко было бы завладеть его царством, но я не хотел платить злом за сделанное мне добро. В этом году мне исполнилось 23 года. Однажды на охоте я был застигнут ужасным ливнем и заблудился. В стороне виднелась какая-то гора, и я поспешил проскакать пространство, меня от нее отделявшее. По сторонам большой горы стояли камышовые юрты, и я укрылся от холода в одной из них. Хозяева юрты отнеслись ко мне весьма радушно. Я рассказал им обстоятельства моей прежней жизни, и они попросили меня повторить благословения

пророку, так как этого достаточно для достижения всякой цели. С Божьей помощью, я вторично устроил собрание. Они мне сказали: «за занавесью будущего тебе готовится помощь, амир; семейство пророка за тебя; наместник его сделается твоим помощником и спутником, но кто этот наместник, ты узнаешь лишь перед смертью». Эти слова уничтожили во мне всякое волнение и горе; я ободрился, отказался от своего тайного намерения отправиться в Хорасан и двинулся по направлению к Герату. Во время отъезда я получил письмо амира Хусайна такого содержания: «Начальники моего войска согласились убить меня и возвести на престол амира Бакыра; я надеюсь, что вы скоро придёте; может быть, мне удастся соединиться с вами, отправиться к амиру Казгану и добиться у него почестей».

Нимало не медля, я выступил с войском и в тот же вечер отправился к Герату. Амир Хусайн вышел из города, сделав вид, что намерен вступить со мною в бой, я опасался с его стороны коварства и, положившись на Бога, приготовился к битве; тогда он пришел ко мне с большим количеством всякого имущества, и между нами состоялось свидание на коне. Потом мы вместе пошли на соединение с амиром Казганом, который, узнав о нашем выступлении, выслал нам навстречу сына своего Абдуллу. Я отправил вперед амира Хусайна к амиру Казгану, с большими подарками. Амир Казган нежно заключил Хусайна и свои объятия и сказал ему: «Да будет лицо твоё бело» и пригласил Хусайна остановиться в его шатре. Чрез несколько времени подданные амира Хусайна возмутились и хотели разграбить его казну. Хусайн не имел достаточно богатств, чтобы одарить бунтовщиков и таким образом успокоить волнение. Видя, что нет никакой надежды получить от Хусайна деньги, мятежники задумали убить его. К счастью, Хусайн своевременно узнал о преступных намерениях своих подданных и обратился ко мне за помощью. Я принял все меры, чтобы отвратить опасность и избавить амира Хусайна от смерти.

Однажды мы с амиром Хусайном отправились на охоту. Во время охоты к нам присоединился амир Казган с 10-ю всадниками из своей ближайшей свиты. Казган был к нам очень внимателен, он очаровал нас своим обращением, и мы стали друзьями. Амир Хусайн остановился на берегу реки, но амир Казган просил его передвинуться на место, называемое Армуган, и здесь отлично его устроил.

Амир Казган остался на этом месте, а мы с амиром Хусайном распростились с Казганом и отправились дальше без дороги, степью. После продолжительного движения, мы достигли берегов реки Мургаба. Здесь мы получили неприятные известия из Герата.

Нам сообщали оттуда, что, воспользовавшись нашим отсутствием, амир Бакыр сумел подчинить себе население Герата и совершенно забрал в свои руки бразды правления. В виду таких известий, амир Хусайн обратился ко мне за советом, что Предпринять в таких затруднительных обстоятельствах. Я высказал, что, по моему мнению, следовало бы решительно напасть на Герат нам обоим вместе; в случае удачи мы достигнем своей дели; в случае же неудачи наша храбрость, во всяком случае, заслужит одобрение. Амир Хусайн согласился последовать моему совету. Я стал гадать; гадание только укрепило нас в нашем намерении, наше предприятие обещало быть удачным. Амир Хусайн, в случае удачи, обещал разделить со мною обладание Хорасаном. Тогда, с 300 своих храбрых всадников, я направился вместе с ним к Хорассану. Подойдя к Герату, мы нашли городские ворота отворенными. Это странное обстоятельство крайне встревожило амира Хусайна: из того, что ворота оказались отворенными, он вывел заключение, что, должно быть, враг нисколько нас не боится, если и ворота не считает нужным запереть при приближении наших войск. Я стал успокаивать амира Хусайна, а потом ударил плетью коня и поскакал к городу, увлекая за собой войско. Амир Хусайн с войском проскакал в средину города, а я остался у ворот, чтобы, в случае внезапного нападения извне, иметь возможность защитить вошедших в город. Между тем Хусайн отправился к лагерю Бақыра, захватил его в то время, когда тот спал, взял его в плен и овладел престолом. Меня амир Хусайн через гонца тоже пригласил войти в город. В это время войска Бақыра, узнав, какая участь постигла их амира, задумали напасть на войско амира Хусайна, но прибытие моего войска заставило их отказаться от своего намерения, и они выразили безусловную покорность амиру Хусайну.

Таким образом, хотя Хусайн достиг своей цели с моей помощью, но исполнить данное им раньше обещание он и не думал. Возмущенный такой неблагодарностью амира Хусайна, я решил наказать его и силой выгнать его, чтобы самому овладеть престолом. Это намерение не встретило сочувствия в среде моих войск, и потому я принужден был отказаться от исполнения задуманного. Тут я понял, что один верный спутник дороже тысячи неверных. Я расстался с амиром Хусайном и отправился к амиру Казгану. Когда я пришел, амир Казган мне очень обрадовался. В это время подданные амира Казгана возмутились против него. Узнав, что всем бунтом руководит некий Данышманча-углан, я сказал об этом Казгану и посоветовал от имени Данышманча-углана разослать во все

стороны письма и подарки, а затем наградить тех, кто покорится, и строго наказать мятежников.

Мне исполнилось 24 года, я стал изучать военное искусство и хотел захватить власть.

В это время со мной подружились люди, составившие заговор против амира Казгана; они собирались, выбрав удобную минуту, убить Казгана и предложили мне тоже присоединиться к ним, войти и урду вместе с Данышманча-угланом и овладеть престолом. Я для виду согласился с ними, по остановил приведение в исполнение их преступных замыслов, а сам тем временем поспешил предупредить амира Казгана об угрожающей ему опасности. Мятежники, узнав об этом, тоже поспешили послать амиру Казгану письмо, в котором чистосердечно раскаивались в умысле на его жизнь. Амир Казган милостиво принял заявление злоумышленников, доверяясь мне.

Однажды вечером амир Казган пригласил меня к себе. Придя к амиру, я застал у него всех злоумышлявших ранее на его жизнь; все они были в кольчугах под верхним платьем. Я заметил это и сейчас же сообщил амиру. Убедившись из моих слов, что действительно он собрал к себе заговорщиков, амир Казган, сославшись на нездоровье, отпустил всех присутствовавших, а у меня просил совета, что надо делать в данном случае. Я посоветовал раздать подарки всем недовольным; амир исполнил мое предложение и раздал очень много подарков.

Когда люди эти стали делить между собою дары амира, они перессорились и всякое согласие их расстроилось. Амир был так доволен мною, что подарил мне, за оказанную ему услугу, город Ширганат.

В это время мне исполнилось 25 лет. Амир Казган, намереваясь овладеть Хорезмом, считал это дело чрезвычайно трудным и потому хотел поручить это мне. Я понял, что для меня было бы выгоднее сначала послать кого-либо другого сразиться с врагом, а потом уже самому пойти и окончательно овладеть Хорезмом. Самым близким человеком к амиру Казгану в то время был амир Хисрау-Баянкули. Я переговорил с ним и внушил ему, чтобы он убедил амира Казгана в том, что взять Хорезм – дело вовсе не трудное, а потому было бы очень хорошо, если бы амир поручил сделать это сыну своему Абдулле, который таким образом мог бы, совершив это завоевание, прославиться, чего ему не удастся, если дело это будет поручено мне, ибо тогда честь взятия Хорезма будет принадлежать мне.

Хисрау-Баянкули доложил амиру Казгану то, что я ему внушил, и амир согласился послать к Хорезму Абдулла с войском. Между тем жители Хорезма укрепились в городе, под

защитой укреплений вышли из города и, сразившись с войском Абдуллы, одержали верх и не пустили его в крепость. Абдулла сообщил отцу о своем поражении, и амир Казган высказал, что он и раньше находил необходимым, чтобы я сам шел брать Хорезм, а потому и приказал мне немедленно исполнить это поручение. Достигнув таким образом своей цели, я с большим войском двинулся к Хорезму и застал Абдуллу очень смущенным своей неудачей. При моем приближении жители Хорезма быстро отступили и скрылись за стенами города. Я тотчас же послал ко всем влиятельным лицам города письма с подарками и секретно просил помочь, чтобы население добровольно сдало мне город. Желание мое было исполнено, и я без боя занял Хорезм. Возвратившись вместе с Абдуллой к амиру Казгану, я удостоился от него благодарности, а в виде награды за успешное выполнение возложенного поручения, я был назначен наместником в Хорезм. Мне исполнилось 26 лет. Однажды мы с амиром Казганом поехали на охоту в местность Камар. Охота была очень удачна, и потому мы остались ночевать в этой местности. Туклук Тимур, зять амира Казгана, задумал убить тестя и завладеть престолом. Он сговорился с несколькими злыми людьми и в тот вечер, когда мы ночевали в Камаре, он, с семьей вооруженными саблями людьми, пришел, чтобы убить Казгана. Около него в это время не было других людей, кроме ловчих. Я, сев на лошадь, быстро бросился на злоумышленников; амир тем временем, пользуясь темнотой, спрятался за большой камень. Услышав шум, собрались прочие охотники, и Туклук Тимур, опасаясь возмездия за покушение на жизнь амира Казгана, бежал в Мавераннахрские горы.

Желая выразить мне свою признательность за оказанную ему услугу, амир Казган отдал мне крепость Шадман. Владея Хорезмом и Шадманом, я собрал много податей и богато одарил своих воинов. Хотя я делал много добра своим людям, однако мое желание – сделаться самостоятельным властелином – все еще не встречало среди них сочувствия. В это время амиру Казгану какие-то хитрые женщины донесли, что жена Туклук Тимура, дочь амира Казгана, огорченная бегством своего мужа, лишилась рассудка. Амир Казган, поддавшись на эту хитро придуманную уловку, простил Туклук Тимура и написал ему письмо, приглашая возвратиться. Я доложил амиру Казгану, что, по моему мнению, не следует верить женщинам, а следует поступать так, как повелевает шариат. Пророк сказал, что советоваться с женщиной следует, по только для того, чтобы поступить как раз противоположно тому, что посоветует женщина. Амир Казган согласился со мною, и я отправился навстречу Туклук Тимуру,

решившись отомстить ему.

Мне исполнилось 27 лет. Однажды амир позвал меня и сказал мне, что он недоволен своей женой, и потому предполагает с ней развестись. Однако, прошло после того несколько дней, и мысли амира совершенно переменялись: он раздумал разводиться с женой, стал к ней хорошо относиться, вызвал Туклук Тимура и простил ему его вину. В это же время амир отдал Мухаммад-ходже Андижан, которым правил сын его, Абдулла, и этим возбудил против себя неудовольствие со стороны Хисрау-Баянкули и он подружился с Туклук Тимуром. Хисрау-Баянкули был тесть Абдуллы и рассчитывал приобрести большое влияние и почет со вступлением на престол Абдуллы, поэтому, видя, что его мечтам не суждено сбыться, он, вместе с Туклук Тимуром, решил отделаться силой от амира Казгана. Я известил об этом Казгана, которому был предан, как сын, и амир написал завещание в мою пользу, чтобы по смерти его я был султаном Туранской области.

Однажды амир Казган, с несколькими людьми, безоружный, отправился на охоту за реку Джайхун. Туклук Тимур и Баян-Кули нашли этот случай весьма удобным для осуществления своих преступных замыслов и, забыв благодеяния доброго амира, невзирая на родственные к нему отношения – убили его, обогрив его неповинной кровью ту землю, где они охотились. Получив сведения о совершившемся злодеянии, я очень опечалился, быстро отправился на место происшествия, взял тело убитого амира Казгана и похоронил его на берегу реки Джайхун. По смерти Казгана, Туклук Тимур и Баян-Кули возвели на престол Абдуллу Валихана, которому амир Казган при жизни выдал ханскую грамоту; они сначала его признали, потом коварно убили в окрестностях Самарканда. Абдулла отличался скупостью, а Туклук Тимур и Баян-Кули были очень жадны, а потому остались недовольны поставленным ими амиром. Они вскоре свергли Абдуллу и на его место возвели на престол Тимур Шах Углана, сына Ясур Тимурхана.

Они собрали множество войска, чтобы погубить Абдуллу. Им удалось разбить войско Абдуллы и принудить его искать спасения в бегстве за реку Джайхун, где он и умер. Мне в это время исполнилось 28 лет.

Я был признателен покойному амиру Казгану, которого почитал, как родного отца, а потому счел своей священной обязанностью отметить Баян-Кули и Туклук Тимуру за его смерть.

Собрав войско, я двинулся в Самарканд. По пути я встретил Баяна-Сальдура, который, вместе с бывшим в его распоряжении поиском, присоединился ко мне. Мы достигли границы Шаша.

Кроме того, мне удалось уговорить и амира Барласа присоединиться к нам. А Хаджи Барлас был сын Барлу, внук Тамулла, правнук Сулькана, праправнук Караджар-Нуяна. Мы все, втроем, направились к Самарканду. Мавераннахром в это время правил Тимур Шах, который своим возвышением был всецело обязан Туклук Тимуру и Баян-Кули, которые его поддерживали. После кровопролитного сражения нам удалось выгнать из Самарканда Тимур Шаха, и мы овладели Мавераннахром. Все мы втроем: я – Тимур, амир Хаджи Барлас и Баян-Сальдур заключили союз и мирно владели Самаркандом, пока Баян-Сальдур, опившись вина, не умер. По смерти Баян-Сальдура его права на власть в нашем тройственном союзе перешли по наследству к его сыну, но амир Хаджи Барлас задумал хитростью отделаться от этого союзника и стал принимать к тому меры. Я несколько раз усовещивал его, по это па него не действовало, и он по-прежнему продолжал свои происки. Такие действия амира Хаджи Барласа развили в среде населения смуты и раздоры. Мне было тогда 28 лет. В этот год была дороговизна на все жизненные припасы; войску и населению стало невыносимо трудно жить, и жители Мавераннахра пришли в отчаяние; они все сообща подали мне заявление, что все население решилось покинуть совсем область Туран и не возвращаться сюда до тех пор, пока в Туране не воцарится справедливый правитель. Такое решение населения огорчило меня до глубины души; я хотел сделаться полновластным правителем. Однако было очень трудно что-нибудь сделать в этом направлении. В это время ханом в Балхе был Ильчи-Лугай Сальдур, Ходжентской областью правил амир Баязид-Джалаир, в Шибирганат был Мухаммад Ходжа. В городах Когистана правили Бадакшанские амиры, в Джилянской области, до местности Хазрет-Имам, был ханом Кай Хисрау, а амир Хызр Ясаури владел Самаркандской областью до самого Сарышуля. Все эти правители были в своих областях полноправными властелинами, как цари, поэтому только храбростью нельзя было отнять царство у стольких сильных султанов. Я, видя полную невозможность добиться успеха при помощи открытой силы, решил применить хитрость. Каждому из правителей в отдельности и тайно от других я написал письма, в которых предлагал каждому из них вступить со мною в союз, чтобы, общими силами, изгнать всех остальных правителей, а самим овладеть всей страной. Каждый из них, потихоньку от остальных, выразил свое согласие вступить со мною в союз, и мне удалось перессорить их между собою. В это время я достиг 29-летнего возраста.

Я написал письмо Ильчи-Лугай Сальдуру и предложил,

воспользовавшись тем, что жители Бадакшана принесли мне жалобу на несправедливость и притеснения своего хана, отправиться туда с войском и овладеть страной. Я предупредил Ильчи-Лугай Сальдура, что если он сам лично не пожелает взять Бадакшан, то я сам пойду и овладею Бадакшаном. Этим предостережением я закончил свое письмо. Ильчи-Лугай Сальдур вскоре двинулся по направлению к Бадакшану, а я тем временем получил известие от Бадакшанских султанов, которые, услышав о грозящей им опасности, просили меня защитить их от нападения Ильчи-Лугай Сальдура и обещали, в вознаграждение за помощь, отдать мне города: Хатлан, Архат и Хазрет-Имам, взяв эти владения от Кай Хисрау, которому они принадлежали. Далее, я сообщил Мухаммад Ходже, что г. Балх, мать городов, теперь пустой, и я послал туда своего наместника. Я предложил Мухаммад Ходже тоже послать в Балх наместника, чтобы нам владеть этим городом сообща. Мухаммад Ходжа, желая предупредить меня, отправился и Балх лично. Сведение о движении Мухаммад Ходжи в Балх быстро дошло до Ильчи-Лугай Сальдура. Не думая больше о расширении своих владений присоединением Бадакшана, Ильчи-Лугай Сальдур быстро направился к крепости Шадман и Балху. Но этой причине правители Бадакшана подчинились мне.

Придя в Балх, Ильчи-Лугай Сальдур не только тотчас выгнал оттуда Мухаммад Ходжу, но пошел на него войной, чтобы наказать его за намерение овладеть Балхом. Тогда Мухаммад Ходжа обратился ко мне за помощью. Я спас Шибирганат от вторжения Ильчи-Лугай Сальдура, отдал его Мухаммад Ходже, и этой услугой приобрел себе в нем преданного и верного союзника. В это время мне исполнилось 30 лет.

Внук амира Казгана, амир Хусайн, задумал занять престол его отца и направился в Мавераннахр с войском и преданными людьми. Он написал мне письмо и просил моего содействия исполнению своего намерения. Амир Хусайн был мне родственник, я был женат на его сестре и, в силу родственных отношений, возбудил в нем желание взять Мавераннахр. Причиной этой ошибки было то, что я считал дружбу этого дурного человека искренней; я не знал, что в его характере соединены, подобно четырем стихиям, четыре дурных качества: 1) зависть; 2) скупость; 3) жадность и 4) высокомерие.

Чтобы исправить сделанную мною ошибку, я сообщил амиру Хусайну, что ему прежде всего надлежит овладеть Бадакшаном, который есть ключ к победе.

В этом году, который, по приметам, был счастливый (мубарак), у меня родился старший сын. В честь пророка, я дал

ему имя Мухаммад, а так как в этом году начались мои завоевания, то я к имени Мухаммад присоединил еще имя Джагангир. Рождение сына принесло мне счастье – в этом году я приобрел не только много городов, но и много союзников: за исключением амира Баязид Джалаира и Хаджи Барласа, все правители были со мной с союзе. От этих двух противников я думал избавиться хитростью. Тесть Хаджи Барласа вздумал избавиться от него и на его место посадить своего внука. Хаджи Барлас, узнав о намерении тестя, поспешил его казнить и обратился ко мне за советом, следует ли ему отделаться и от потомства казненного тестя. Я отклонил его от этого дурного намерения. Амир Хусайн в том же году овладел Бадакшаном и, без всякого повода, казнил троих из числа тамошних правителей. За такое ничем не вызванное злодеяние, он, конечно, получит возмездие в день страшного суда. Когда я взял Балх, мать городов, то наследники убитых им правителей убили самого амира Хусайна, чтобы отомстить за смерть своих отцов. Мне исполнился 31 год. Внук Чингисхана, Туклук Тимур был ханом в области Чете. Вскоре он вздумал овладеть Мавераннахром, пришел в местность Хак, на берегу реки Сыр-Дарьи, вблизи Ходжента, и собрал здесь множество войска. Мне, Хаджи Барласу и амиру Баязиду Туклук Тимур прислал грамоты. В грамоте, между прочим, заключалось следующее, не допускающее возражений приказание: «Я, Туклук Тимур хакан (царь царей), сын хакана, приказываю тебе со всем народом и войско присоединиться ко мне». Хаджи Барлас, получив такое грозное повеление, испугался и обратился ко мне за советом, что делать.

Часть 3

Я посоветовал не ссориться с великим царем, а явиться к нему с покорностью, чтобы послушанием заслужить его расположение. Хаджи Барлас не послушался и, переправ пишишь через Дарью со всем народом и имуществом, ушел и Хорасан. Амир Баязид с подданными и дарами отправился на поклон к Туклук Тимуру. Я тоже стал готовить подарки, чтобы преподнести их с выражением покорности Туклук Тимуру, но в это время отец мой, амир Тарагай, опасно заболел, и мне пришлось остаться при больном и ухаживать за ним, пока он не умер. С большою пышностью похоронил я отца в Кишхат мазаре, неподалеку от могилы святого. Туклук Тимур прислал мне вторую грамоту, в которой звал меня к себе, но мои подданные заявили, что они не желают чтобы я подчинился Туклук Тимуру, потому что под моим владычеством в стране водворилось полнейшее спокойствие и потому народ мой готов силою оружия отстаивать свою независимость. На все эти заявления я отвечал, что, по моему мнению, ссориться и возмущаться против Туклук Тимура нельзя, что нет другого исхода, как безусловно подчиниться ему.

В это время до меня дошли слухи, что войско Туклук Тимура, под предводительством Ходжи Махмуд Шаха, движется на меня. Я поспешил отправиться к Туклук Тимуру с пародом, войском и дарами, чтобы выразить ему покорность. По дороге я встретил Махмуд Шаха, привлек его на свою сторону подарками, убедил его не грабить страны и заручился от него рекомендательным к хану письмом. Я пошел, и через два дня пути меня стали встречать на дороге начальники авангарда; им я также раздал богатые подарки и удержал от грабежа. Начальником амиров в то время был Кичик-бек: он тоже снабдил меня письмом к Туклук Тимуру, прося его быть ко мне милостивым.

В степи, близ Ходжента, я представил Туклук Тимуру свои дары, и он остался чрезвычайно доволен моей покорностью. Когда ему доложили, что начальники его авангарда силою отобрали много имущества у жителей Мавераннахра, Туклук Тимур приказал немедленно возвратить хозяевам награбленное имущество. Оскорбленные, все они, вместе с амирами области Чете, возмутились. Туклук Тимур, узнав об этом, обратился ко мне за советом, как поступить в таких затруднительных обстоятельствах, и я посоветовал ему удалиться в область Чете, откуда он пришел. Этот совет понравился Туклук Тимуру, и он, утвердив меня в Мансраннахре и дав мне грамоту, удалился в

область Чете. С тех пор мое могущество возрастало с каждым днем, я овладел всеми городами Мавераннахр и отправился в Шахрисябз. Административные чина Шахрисябза, шейхи, ученые и саиды, по прибытии моем, пришли меня поздравить, и при этом была прочтена о моем благополучии молитва, установленная для лиц, облеченных царским достоинством. В это время мне исполнилось 32 года.

Амир Хусайн, внук амира Казгана, с моей помощью, овладел городом Бадакшаном. Теперь амир Хусайн снова обратился ко мне с просьбой, чтобы я помог ему напасть на амира Баян-Сальдура и отнять у него принадлежащую ему крепость Шадман. Я согласился и выслал вперед мои войска под предводительством главнокомандующего амира Хызра. Я сам вскоре тоже отправился вслед за войсками. Амир Баян-Сальдур, как только узнал о вступлении моего войска, испугался и бежал в сторону Бадакшана. Амир Хызр и амир Хусайн преследовали амира Баян-Сальдура, так что он вынужден был скрыться в горах. Вместе с амиром бежали в горы многие влиятельные лица Бадакшана, и таким образом вся область была завоевана. Я находился в крепости Шадман, когда получил от амира Хусайна письмо, в котором он сообщил, что, благодаря моему содействию, ему удалось овладеть Бадакшаном, а потому, если я нахожу нужным, то могу возвратиться в свою столицу. Я отдал крепость Шадман моему главнокомандующему амиру Хызру, утвердив за ним это владение особою грамотою, а сам возвратился в Шахрисябз. Через 14 дней амир Хусайн, с богатыми дарами, явился ко мне; я принял его очень радушно и разрешил ему идти в крепость Шадман, а сам остался в Шахрисябзе.

В это время мне исполнилось 33 года. В начале года прибыл гонец от амира Хусайна и привез мне весьма экстренное известие: амир Хусайн сообщал мне, что он вновь нуждается в поддержке с моей стороны, так как амир Туклук Тимур, соединившись с Баян-Сальдуром, двинулся на амира Хусайна с таким большим войском, что справиться с этими соединенными силами Хусайну нечего было и думать. Мне очень хотелось выручить амира Хусайна из беды и потому я тотчас же двинулся с войском из Шахрисябза и вместе с тем отправил письма амиру Хызру и амиру Баязиду. Я приглашал их также прийти на помощь амиру Хусайну. Амир Баязид замешкался, а амир Хызр выступил тотчас же по получении от меня известия. Когда я с войском приблизился к Бадакшану, амир Туклук Тимур и Баян-Сальдур тотчас же обратились в бегство. Амир Хусайн вышел ко мне навстречу и принял меня с большим радушием и пышностью. Восстановив амира Хусайна во владении Бадакшаном, я

возвратился в Шахрисябз.

Когда я подходил к железным воротам, я узнал, что амир Хаджи Барлас с амиром Баязидом обменялись посольствами и заключили союз, чтобы общими силами убить меня. И это амир Хаджи Барлас, который был моим родственником!

Я написал ему письмо, в котором напоминал о наших родственных отношениях и о тех услугах, какие я оказал ему, но амир Хаджи Барлас не обратил никакого внимания на мое письмо. Тогда я двинулся с войском на соединение с амиром Хусайном, но амир Хаджи Барлас преградил мне путь и на местности Аккаба Чагатай дал мне сражение. Я разделил свое войско на 7 частей, рассчитывая ежедневно вводить в бой лишь одну седьмую часть всех моих сил. Амира Хызра, с другими богадурами, я поместил на правом фланге, а амир Джагуй Барлас с его войском составил мое левое крыло. Войска, пришедшие со мною из Шахрисябза, я разделил на 4 части. Я сам предводительствовал войсками и каждый день вводил в бой по одной из этих четырех частей. Сражаясь каждый день в продолжение трех дней, на четвертый день я, напутствуемый молитвами наших улемов и саидов, призвал на помощь Бога и бросился на вражий стан ночью, когда там все спали. Битва продолжалась без перерыва всю ночь, но зато с рассветом победа осталась решительно на моей стороне, все неприятельское войско рассеялось и амир Хаджи Барлас бежал в Самарканд, под защиту амира Баязид Джалаира. Исправив военные доспехи, собрав войско и отправив вперед амира Хызра, я двинулся вслед за Хаджи Барласом по направлению к Самарканду. В это время один отряд моих воинов, изменив мне, перешел на сторону Хаджи Барласа. После этого амир Хызр, которому я доверял больше, чем родному, поддавшись искушению дьявола, сговорился с амиром Джагуй-Барласом, и оба они, с находившимися у них под командой войсками, тоже изменили мне и перешли на сторону Хаджи Барласа. Все эти изменники задумали сражаться со мной и пошли просить амира Баязида помочь им в этом. Соединившись с ним, они заподозрили его в вероломстве и бежали. Я послал амиру Хызру грамоту, в которой предлагал ему примириться со мной, но он не обратил внимания на мое предложение. Тогда я приготовил свои войска и двинулся на амира Хызра. Тем временем изменник, укрепившись с войском на местности Сырдин, – приготовился сразиться со мною. Я вручил свое знамя моим шахрисябзским войскам и ввел их в дело, сам же, с ближайшими богадурами, расположился позади боевого порядка – в резерве. Амир Хызр, увидя при войсках мое знамя, был введен в заблуждение – он думал, что я сам предводительствую

передовыми войсками. То мы с одной стороны оттесняли врагов, то враги одолевали нас; это повторялось несколько раз и сильно утомило обе стороны. Тогда, улучив удобную минуту, я сам, с отборными воинами и богадурами, бросился на неприятельские войска и одним решительным натиском разбил их наголову.

После этого амир Баязид и Хаджи Барлас обменялись письмами и решили, что пока я жив, они не могут быть покойны; поэтому они решили при помощи хитрости убить меня. Через несколько дней по окончании войны с амиром Хызром, амир Баязид выступил из Самарканда и, дойдя до степи вблизи Шаша, остановился. Амир Хаджи Барлас, действуя заодно с амиром Баязидом, написал мне письмо, в котором говорилось следующее:

«Мы, друзья друзьям великого амира и враги его врагам, решили овладеть Ходжендом. Если ты веришь в нашу дружбу и верность, присоединись к нам, это будет для всех выгодно». Целью их было хитростью заманить меня в свои руки, чтобы убить. Я, как правоверный, поверил им и пошел с войском на соединение с ними. Приближаясь к месту расположения их войск, я заметил, что посредине стана, состоявшего из юрт и шалашей (лачуг) разбит громадный шатер. Я подумал, что это место, приготовленное для меня. Меня встретили с большим почетом и пригласили войти во внутренность большого шатра. По милости Божьей, я чутьем угадал злостные намерения моих врагов: когда я вошел в палатку и увидел справа амира Баязида, а слева амира Хаджи Барласа, я понял, что, очевидно, они сговорились покончить со мною тотчас же после приема и угощения. Я был очень встревожен грозящей мне неминуемой гибелью и мысленно молился Всевышнему, чтобы он спас меня от смерти. К моему благополучию, в это время у меня пошла кровь носом, и я не замедлил воспользоваться этим случаем, чтобы выйти из палатки. Тут я сейчас же дал знать моим воинам, что жизнь моя в опасности и быстро вскочил на коня. Меня никто не решился остановить. Таким образом Бог спас меня от верной смерти. Призывая проклятия на головы моих врагов, я удалился с войском в Термез. Когда я приблизился к Термеду, то Шейх-Али-Джар-Джари, который приобрел власть с моей помощью, испугался, думая, что я иду воевать с ним и, в свою очередь, стал собирать войско, чтобы отразить мое нападение. Я написал ему письмо, в котором напоминал о всех услугах, которые я оказал ему ранее, и убеждал, хотя бы из благодарности, не предпринимать против меня враждебных действий. Шейх-Али-Джар-Джари не послушался меня. Ему удалось собрать множество войска – больше, чем было у меня, и он понадеялся на свои силы. Он, очевидно, не знал текста Корана, в котором сказано: «сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения по

изволению Божию».

Шейх-Али-Джар-Джари расположил свои войска в одну линию и начал бой, я же разделил своих воинов на три части и двинулся с ними на неприятеля. После первого же натиска войска Шейх-Али-Джар-Джари бежали. Тюрки говорят, что «для тысячи ворон достаточно одного комка глины», и эта пословица в данном случае совершенно подтвердилась. Шейх-Али-Джар-Джари сначала бежал к амиру Баязиду, но и там он побоялся остаться, а вернулся ко мне, пристыженный и униженный, с изъявлением безусловной покорности. Чтобы показать ему пример великодушия, я простил его вину и богато одарил его, как будто бы между нами ничего не произошло.

В это время мне исполнилось 34 года. Население Мавераннахра и почетные лица явились ко мне с заявлением, что во всех городах и селениях этой области народ изнемогает под гнетом несправедливости и жестокости водворившихся там правителей. «Необходимо, – говорили они, – чтобы великий амир, благодаря своей распорядительности и храбрости, сделался единым полновластным правителем страны». Озадаченный такой просьбой народа, я отправил гонца к амиру Хусайну и предложил ему принять участие в освобождении Мавераннахра от жестоких правителей. Я высказал мнение, что если нам удастся избавить народ от жестоких тиранов, то мы этим подвигом заслужим доброе имя и славу в этом и будущем мире.

Амир Хусайн согласился, но я узнал, что он со мною не искренен, и потому, остерегаясь с его стороны вероломства, я написал письмо внуку Чингисхана, Туклук-Тимуру. Я описал ему, в каком ужасном положении находится область Мавераннахр, как ее население терпит насилия несправедливых и жестоких правителей и в заключение добавил, что если он, Туклук-Тимур, с помощью своего войска сумеет водворить порядок в Мавераннахре, то тем совершит славный подвиг. Туклук-Тимур, получив мое письмо, немедленно собрал войско Чете, расположился с ним в окрестностях Ходжента и прислал мне оттуда письмо, в котором напоминал о наших родственных отношениях и просил прийти к нему, чтобы дать свой совет.

Амир Баязид, намереваясь выразить полную покорность амиру Туклук-Тимуру и готовность служить ему, запер ворота Самарканда и двинулся сам к Туклук-Тимуру. Туклук-Тимур потребовал, чтобы Баязид передал ему ключи Самарканда, и когда заметил, что Баязид находится в раздумье, исполнить или нет его требование, он приказал убить Баязида и голову его отослал в Самарканд. Амир Хаджи Барлас, услышав о несчастье, постигшем амира Баязида, испугался, чтобы не случилось и с ним

чего-нибудь подобного, и потому поспешно бежал с своим семейством и народом за реку Аму. Амир Туклук-Тимур, узнав о бегстве Хаджи Барласа, послал за ним вдогонку отряд войска. Один из приближенных Хаджи Барласа, Чуам Барлас-богадур, был убит, а остальные благополучно добрались до города Харша-Джусн. Здесь пришельцы сразу стали во враждебные отношения к коренному населению этого города, и, с течением времени, ненависть населения города Харша-Джуси к пришедшим с Хаджи Барласом возросла до такой степени, что дело дошло до битвы, в которой Хаджи Барлас и несколько его родственников были убиты. Оставшиеся в живых пришельцы поселились в этом городе навсегда, слились с населением его. Когда впоследствии я овладел Хорасаном, я отдал Харша-Джуси потомству Хаджи Барласа.

Туклук-Тимур вторично прислал мне грамоту, в которой, Как родственника, просил скорей прийти к нему. Тогда я разослал Во все стороны гонцов и пригласил всех, кто желает избавиться От грабежей и насилий со стороны войска Чете, прислать мне подарки, которые я мог бы представить амиру Туклук-Тимуру. Множество племен прислали мне свои дары, и я, собрав все полученное, отправился к Туклук-Тимуру в Ходжент. Здесь я поднес ему привезенные мною дары, он остался очень доволен и был ко мне очень милостив. Во всяком деле он предварительно спрашивал моего совета и всегда соглашался со мною. Между прочим, однажды я высказал мнение, что всякое правительство подобно палатке, крыша которой опирается на столбы. Справедливость правителя, это те устои, на которых зиждется разумное управление, без этой опоры управление немислимо. Я советовал в Мавераннахре оказать содействие и поддержать всеми силами добрых людей, злых же предоставить самим себе, чтобы они пожали плоды содеянных ими злодеяний. Туклук-Тимур был мне очень признателен за такой совет, и этим я очень расположил его в свою пользу. Туклук-Тимур отдал мне во владение Мавераннахр, Шахрисябз, Шибирганат, вплоть до Балха.

В это время внезапно получено было известие, что амир Хусайн, с большим войском, остановился на берегу реки Вакш, намереваясь напасть на Туклук-Тимура. Услышав о таком намерении амира Хусайна, Туклук-Тимур был очень удивлен его дерзостью и обратился ко мне за советом. Я ответил, что так как войском амира Хусайна предводительствует его главнокомандующий, Кай Хисрау Джиляны, то следует написать этому военачальнику письмо, в котором постараться склонить его к измене амиру Хусайну, а в награду за это пообещать отдать ему во владение крепости Шадман и Хутлан. В этом смысле и было

написано письмо Кай Хисрау. Наше заманчивое предложение прельстило военачальника, и вскоре, когда сошлись авангард амира Туклук-Тимура, под предводительством Мир Кичик-бека и авангард амира Хусайна под предводительством Кай Хисрау, то последний со своими приверженцами перешел на сторону Туклук-Тимура; войском амира Хусайна овладел такой страх, что оно разбежалось. Войска Туклук-Тимура преследовали побежденных врагов до самых индийских гор и завладели большим количеством разного имущества.

Покончив с войском Хусайна, амир Туклук-Тимур отправился в Самарканд и убил там Баян-Сальдура. В городах Мавераннахра он водворил порядок и очистил их от злонамеренных людей. После этого мне пришло на мысль посоветовать Туклук-Тимуру, чтобы он ушел из этой страны, а меня утвердил здесь, в Мавераннахре. Поэтому я сказал Туклук-Тимуру, что теперь удобное время для того, чтобы овладеть Хорасаном. Стоит только перейти Аму-Дарью и будет очень легко завоевать Хорасан.

Туклук-Тимур готов был последовать моему совету, но как раз в это время дали знать, что амиры Чете возмутились и возвели на престол одного из потомков Чингисхана, Тамлики-хана. Туклук-Тимур спросил моего совета, что делать. Я посоветовал с возможной поспешностью послать в область Чете войско, чтобы новый хан не успел там укрепиться. Я рассчитывал, что при таком способе действий удастся легко усмирить население Чете: если же замедлить, то потом станет трудно привести в исполнение задуманное. Послушавшись моего совета, Туклук-Тимур выдал своему сыну, Ильясу-Ходже, грамоту на ханское достоинство в Мавераннахре, а меня поставил после хана первым лицом. При этом Туклук-Тимур показал мне стальную доску, на которой начертано было давнишнее условие наших предков, Качули-богадура и Кабыльхана, по которому в потомстве первого должно было преемственно передаваться звание главнокомандующего войсками, а в потомстве второго также преемственно переходить от отца к сыну достоинство ханов. Приказав амирам повиноваться мне, Туклук-Тимур сам отправился против мятежников.

Ильяс-Ходжа никогда раньше не был у власти и не обладал никакими административными способностями, а потому войско и амиры творили всевозможные несправедливости: напр., однажды увели из Самарканда силой 400 девушек, но и этим не удовлетвоались; вскоре наглость их дошла до того, что они решились связать и заключить под стражу 70 саидов из потомства пророка. Тогда поклонники пророка, произнося символ веры, собрались большой толпой и пришли ко мне с просьбой помочь

неповинным заключенным. «В таком деле безумство свойственно умному, а пожертвование жизнью есть источник жизни». Эти слова так воодушевили меня, что я немедленно, ни с кем не советуясь, начал войну. Прежде всего я освободил из рук узбеков 70 заключенных саидов. В следующую же ночь мне приснился пророк, который сказал мне: «Ты освободил из неволи 70 моих потомков, за этот подвиг ты получишь награду: Бог сотворит чудо, и семьдесят колен твоего потомства будут царствовать». Увидев этот сон, я написал письмо своему Пиру и просил его объяснить значение сна. Пир ответил мне: «В древности Сабуктакин спас от гибели козленка, и за это Бог наградил его потомство царским достоинством: ты же оказал такую услугу потомству пророка, что сон твой непременно должен исполниться. Знай, что всякое собрание народа, где не присутствуют потомки пророка, не приведет ни к каким благим результатам». С тех пор я всегда, во всякое собрание, прежде всего приглашал саидов и улемов. После освобождения по моему приказанию заключенных саидов мои недоброжелатели послали Туклук-Тимуру письмо, в котором говорилось, что я возмутился и овладел Мавераннахром; меня обвиняли в тайных кознях против сына Туклук-Тимура, Ильяс Ходжи, которого я будто бы замышлял убить. Туклук-Тимур, поверив наветам моих врагов, приказал людям, которые доставили ему письмо, убить меня. К счастью, Приказ этот попал в мои руки и я, будучи предварен о грозящей мне опасности, всячески остерегался. После этого амиры Чете получили еще три приказа, подтверждавшие волю Туклук-Тимура, но убийцы, не зная, как удобнее исполнить задуманное, – выжидали. В это время я получил от своего Пира письмо, в котором он писал, что в случае невозможности сладить с врагом, обладающим превосходными силами, следует искать спасения в бегстве, что так завещано и самим пророком. Следуя совету моего духовного наставника, я удалился из Самарканда и скрывался в горах. В это время я гадал по Корану, что меня ожидает в будущем, и мне открылся стих: «Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение Сильного, знающего» (36, 38). Я не знал какое место мне назначено, но вскоре я вновь получил письмо от Пира. Мой наставник советовал мне отправиться в сторону Хорезма, и я поспешил исполнить его приказание. Подобно мне, скрывался в горах и амир Хусайн; он пригласил меня примириться и соединиться с ним. Я с удовольствием принял эти предложение. Встретившись в местности Сачик Кудук, мы помирились с амиром Хусайном и заключили между собою союз. Я предложил правителю области Хайвак Тугуль-богадuru присоединиться к нашему союзу, но он не

согласился и даже из преданности к Ильяс Ходже велел схватить нас, но в темную ночь мы бежали из пределов Хайвака. С согласия амира Хусайна, мы поспешили в Хорезм. Придя в Фараб, мы стали раздумывать, как бы нам овладеть крепостью Хорезмшаха, но в это время наш слух поражен был звуками, свидетельствовавшими, что из степи ни направлению к нашему лагерю движется войско. На это указывал и топот лошадиных копыт, и звон оружия. Я сам сейчас же вскочил на лошадь и взъехал на возвышенность, а амира Тага Бугай Барласа послал вперед, чтобы разузнать, что нам угрожает. Вскоре мой посланный возвратился и привез известие, что амир Тугульбогадур с 1000 всадников идет на нас. Я приказал амиру Хызру собрать и одно место все наше войско и по счету оказалось, что мы располагаем всего-навсего 60 воинами. Эту ничтожную группу людей я разделил на 5 частей и к каждой части назначил особого начальника; амир Хусайн, Тага Бугай, амир Сайфуддин, Даимчи и Садыр командовали частями, а я сам, с избранными богадурами (урдунча), стоял на вершине горы. В эту минуту к нам приблизился амир Тугульбогадур с тысячей всадников. Амиры Тага Бугай Барлас и Сайфуддин были очень храбрые воины; они с такой стремительностью бросились на войско Тугульбогадура, что вскоре из тысячи его всадников осталось только 300. Все остальные его воины были убиты или ранены. Амиры Сайсруддин и Тага Бугай Барлас в этом бою потеряли лошадей и принуждены были драться пешими. Я послал им двух лошадей, но при этом не достало лошади посланному, и потому я должен был отдать свою лошадь. Амир Хусайн сел на лошадь Тугульбогадура и устремился на его войско. Вскоре я заметил, что амир Хусайн окружен со всех сторон врагами и ему угрожает опасность. Я, с мечом в руках, поспешил броситься к нему на выручку и, убив нескольких воинов, спас Хусайна. Пришло время намаза «аср», и с обеих сторон богадуры стали на молитву. Еще намаз не был окончен, как вдруг со стороны неприятеля снова послышался шум: враги возобновили наступление. Мы с амиром Хусайном бросились на врагов и многих из них убили и ранили. Лошадь Хусайна при этом пала, и ему пришлось воспользоваться лошадью, жены Дильшат-ага, а последнего я посадил на лошадь своей жены, сестры амира Хусайна.

Затем мы, вдвоем с амиром Хусайном, продолжали действовать пращами и перебили много народу.

Тугульбогадур, отчаявшись, остановился в степи, а мы продолжали путь. Потери в бою с обеих сторон были громадные: у нас осталось в живых всего лишь 7 человек, а у Тугульбогадура – 50.

Во время движения нас нагнали оставшиеся в живых 50 воинов Тугуль-богадура, и нам пришлось двигаться далее, отстреливаясь от наседавшего на нас с тыла сильнейшего неприятеля. Медленно подвигаясь вперед, мы, наконец, достигли Хорезма. Когда мы пришли туда, враги наши исчезли. Вскоре по дороге попался нам колодезь, у одного пастуха нам удалось купить двух баранов, и мы подкрепили пищей свои силы. В одном месте мы остановились отдохнуть на два дня. Тут с нами случилось несчастье. С некоторых пор к нашему маленькому отряду присоединились трое пеших попутчиков, и они-то на одном из ночлегов украли у нас 3-х лошадей. Эта потеря для меня была крайне чувствительна: из-за покражи лошадей моя жена и сестра принуждены были продолжать путь пешком. Двигаясь по дороге, через несколько переходов мы достигли страны туркменов. В одном уединенном месте нам повстречались туркмены, которые приняли нас за воров и напали на нас. Видя себя окруженными со всех сторон сильнейшим неприятелем, мы вынуждены были бывших с нами женщин поставить позади себя и защищаться силою нашего оружия. К нашему спасению, совершенно неожиданно среди туркменов оказался некто Сайд Мухаммад Хаджи, воспитанный при мне и в юности служивший у меня. Человек этот избавил нас от неминуемой гибели; он узнал меня, бросился к моим ногам и молил простить его сородичам причиненное нам, по неведению, беспокойство. Он объяснил своим товарищам, что они видят перед собою амира Тимура, владетеля Мавераннахра, и туркмены, желая загладить свою невольную ошибку, в течение трех дней угощали нас, затем снабдили нас на дорогу съестными припасами, дали нам десять провожатых, и мы двинулись дальше. Через три дня мы достигли местности Махмуди, где и остановились па несколько дней, рассчитывая, что, может быть, некоторые отставшие наши спутники здесь к нам присоединятся. Между тем, до сведения туркменского амира Али-бека Джаны-Курбаны дошло, что будто бы я, с войском, пришел в землю туркменов и остановился в местности Махмуди. По его распоряжению, отряд туркменов напал ночью на нас; они перевязали нас и в таком виде доставили нас к Али-беку Джаны-Курбаны. Али-бек даже не нашел нужным нас спросить о чем-либо, а просто отдал своим людям приказание заключить всех нас в тюрьму. Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительно долгих дней.

Сидя в тюрьме, я твердо решил и дал обещание Богу, что никогда не позволю себе посадить кого-либо в тюрьму, не разобрав наперед дела. Во время этой горести, я рассудил, что мне лучше посредством какого-нибудь безумного поступка

освободиться из тюрьмы и вступить в сражение; если я достигну цели, то этим будет исполнено мое желание; если же попытка моя освободиться не увенчается успехом, то меня в таком случае наверно убьют и, хотя мертвый, я буду погребен вне стен места моего заключения, значит, другими словами, попытаться следует, чтобы так или иначе выбраться из ненавистой темницы на свет Божий. Обещанием щедрой награды за содействие к побегу мне удалось склонить на свою сторону нескольких тюремщиков, которые снабдили меня и мечом. С этим оружием в руках, я бросился на тех сторожей, которые не согласились освободить меня, и обратил их в бегство. Я слышал кругом себя крики: «бежал, бежал», и мне стало стыдно за мой поступок. Я тотчас же отправился прямо к Али-беку Джаны-Курбаны, и тот, узнав, какие препятствия мне пришлось преодолеть, чтобы освободиться из тюрьмы, почувствовал уважение к моей доблести и был пристыжен. Как раз в это время Али-бек Джаны-Курбаны получил письмо от своего брата Мухаммед-бека Джаны-Курбаны, который писал ему «Ты бесчеловечно и несправедливо поступил с амиром Тимуром и нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые подарки, прошу тебя передать ему их, затем советую тебе, что бы хотя бы отчасти загладить твою вину, проси у Тимура прощения, посади его на свою лошадь и отпусти его». Али-бек исполнил все в точности все что было написано в письме от брата Мухаммед-бека и благодаря этому, я вскоре выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и отправился в Хорезмскую степь.

Через двенадцать дней пути я остановился. В этой местности кочевали туркмены, которые приняли меня за вора и напали на нас. Чтобы разогнать их, я вступил с ними в бой; среди туркменов, как и в прошлый раз, нашелся человек, но имени Ахмад, который во время моего могущества находился при мне и был мною облагодетельствован. Теперь этот Ахмад, в свою очередь, помог мне: он примирил со мною туркменов, и из их среды ко мне присоединилось 50 человек. В это же время ко мне присоединился Мубарак Ша-Юзбаши с многими воинами и подарками, а из Хорасана ко мне пришло еще 200 всадников и отряд пехоты.

В это время амир Хорезма, Хусайн, и амир Себзеварский Зиауддин нашли, что место, на котором мы находимся, – неудачно. На основании предсказаний о моей судьбе я надеялся овладеть Мавераннахром, поэтому я решил, что необходимо тотчас же послать в Кеш 200 всадников, а сам рассчитывал отправиться к своему народу и собрать войско. Я двинул из Бухары в Кеш 200 всадников, а сам, надев платье странствующего

монаха, «каляндар», пошел к своему народу. Курч Тимургар, один из моих приверженцев, осведомившись о моем прибытии, сейчас же явился ко мне в сопровождении сорока людей. Посвятив его в мои планы и соображения, я и его с людьми послал в Кеш. Я приказал Тимургару, как только он получит известие о том, что я занял Самарканд, немедленно явиться ко мне. Из среды моего народа за мной двинулось 1000 человек, с ними я ночью вошел в Самарканд и приютился у своей сестры Туркан-ага. В ее доме, не выходя никуда в течение 48 дней, я секретно советовался с нужными людьми и успел запастись необходимым оружием. В то время, когда мы готовились начать войну против войска Чете, сделалось известно, что они узнали от жителей Самарканда о нашем пребывании в городе. Находя небезопасным при таких обстоятельствах оставаться в Самарканде, я вышел оттуда и отправился в окрестности Коша, где и остановился. И там мне нельзя было долго оставаться; я взял с собою 50 человек и с ними двинулся в сторону Хорезма.

По дороге мы встретили табун лошадей, и так как из расспросов выяснилось, что лошади принадлежат моим подданным, то мы очень легко пришли к соглашению с хозяевами табуна об уступке нам лошадей, и я разделил их между пешими воинами моего отряда. Двигаясь вперед, мы переправились через реку Аму и в местности Ачигы прожили целый месяц, охотой добывая себе пропитание.

В это время Мубарак-ша Санджарский, Сайд Хусайн Хорасанский и Зиауддин Себзеварский присоединились ко мне, и у меня таким образом собралось до 1000 всадников. С общего согласия, мы подошли ночью, при звуках труб (карнай), к Кандагар Карибызу, и я послал к тамошнему правителю, Мир Магды, посланника, которому поручил щедрыми обещаниями склонить Мир Магды к сдаче нам города. Мир Магды с приверженными к нему людьми вышел из города ко мне навстречу. Я торжественно принял его с подарками, предложил ему угощение, и он остался очень доволен.

В эту ночь, по воле Всевышнего, город этот подчинился мне. Вскоре амир Хусайн пришел ко мне униженно просить прощения, я, разделив пополам доходы с Карибыза, уступил половину амиру Хусайну. Несколько времени прожил я в Карибызе, как вдруг однажды прибыло ко мне с подарками посольство владетеля Сиистана, который просил меня заключить с ним союз и помочь ему в его предприятиях. Я выжидал удобного времени, чтобы отнять Кандагарскую область угурийцев. В это время мне исполнилось 35 лет. Между тем, владетель Сиистана, враждуя со своими соседями, был побежден, бежал из своей страны и,

предложив мне в подарок несколько своих крепостей, письменно просил меня помочь ему. Я сейчас же посоветовался с амиром Хусайном; он посоветовал мне отправить его с войском для занятия Сиистана; я согласился. Через день после выступления амир Хусайн неожиданно прислал мне письмо, в котором сообщал, что Баграм Джалаир возмутился против него и поэтому, если я сам не поспешу к моему войску, то трудно рассчитывать, чтобы нам удалось исполнить задуманное. Я немедленно двинулся на соединение с амиром Хусайном и близко подошел к области Сиистан. Амир Малик Махмуд Сиистанский с богатыми дарами вышел мне навстречу и оказал мне широкое, радушное гостеприимство. При этом амир Махмуд дал торжественное обещание служить мне верой и правдой до конца своей жизни. Я, видя его искренность и преданность, решил помочь ему. В это время семь крепостей, принадлежавших амиру Махмуду, перешли во владение его врагов. На одну из этих крепостей я напал ночью врасплох. Я повел приступ одновременно со всех четырех сторон и, после упорного боя в течение суток, овладел крепостью. Большое количество зернового хлеба, хранившегося в крепости, стало нашей добычей. Все добытое при взятии крепости имущество амир Хусайн, по собственному усмотрению, не спросившись меня, разделил между своими приближенными. Я не обратил на это внимания. Во взятую нами крепость я назначил коменданта и тотчас же двинулся далее, к другой крепости. Гарнизон и население крепости, выйдя из-за крепостных стен, упорно сопротивлялись, так что моим войскам пришлось употребить немало усилий, чтобы снова загнать их в крепость. Большая часть моих воинов быстро взобралась на крепостной вал, и тогда запертые в крепости жители, видя себя в безвыходном положении, сдались, крича при нашем приближении: «аль-аман, аль-аман!» Амир Хусайн вторично против правил вежливости разделил между своими приближенными имущество, добытое нами при взятии второй крепости, не испросив на то предварительно моего согласия. Я снисходительно простил амиру Хусайну и эту вторую вину его. Дальше мы двинулись к третьей крепости. На этот раз нам пришлось иметь дело с почти неприступными укреплениями: поэтому, спешив своих всадников, я ночью окружил со всех сторон крепость. В то время, когда гарнизон и население крепости спали, я приказал богадурам запастись «камандами» и двинуться на штурм. Благодаря этому средству, богадуры легко взобрались на крепостную стену. С рассветом я приказал трубить в трубы, и сам, призывая имя Божие, бросился с войском на крепость. Очень быстро все войско мое вошло в крепость, и мы овладели ею. Когда я оканчивал

утреннюю молитву, ко мне привели связанных жителей крепости, взятых в плен при штурме. И в этой крепости нам досталась богатая добыча. Амир Хусайн, получив сведение о нашей удаче, пришел меня поздравить со взятием этой крепости. Слух о нашей победе прошел по всем окрестностям. В это время находившийся при мне амир Махмуд получил грамоту от четырех остальных крепостей: жители их выражали свое согласие сдать без сопротивления крепости амиру Махмуду. Они писали: «Если амир Тимур возьмет крепости, то он и тебя лишит владения Сиистаном и нас истребит». Амир Махмуд согласился с этим и тайно, ночью, удалился от меня и ушел в свою область. Население крепостей и многие другие собрались вместе, чтобы общими силами напасть на меня. Когда я получил известие, что мне угрожает нападение, я все мое войско разделил на три части. Амир Хусайн с одной частью войска составил мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил середину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями. Произошло большое сражение. Я сам, с двенадцатью богадурами, очутился в самой середине сражавшихся: в это время две стрелы попали в меня: одна в ногу, другая в правый локоть. Разгоряченный сражением, я даже не обратил внимания на то, что был ранен, и опомнился лишь тогда, когда, с помощью Божьей, нам удалось победить и обратить в бегство наших врагов. После этого я отправился в сторону Гармира. Остановившись там на некоторое время, я принялся лечить свои рапы. Амира Хусайна, дав ему своих двести всадников, я послал в сторону Бакланата. Амир Хусайн, придя и Бакланат, овладел им, но вслед за взятием, не обращая ни малейшего внимания на дела управления страной, он вооружил против себя всех служащих и все свои усилия направлял к тому, чтобы собрать как можно больше богатств. Ахунд-бек с войском Чете напал на амира Хусайна, и тот, разбитый в сражении, бежал с четырьмястами всадников в селение Шарку. Такие действия моего главнокомандующего возмущали меня до глубины души, но, хотя рана моя к этому времени совершенно зажила, я все-таки ничего не мог предпринять, потому что войско мое было в разных местах, и возле себя я мог собрать только 40 всадников.

Я призвал к себе Тимур-Ходжа-Углана и, взяв амира Магдибека с сорока всадниками, которые все были высокого происхождения, я, даже не оставив телохранителей, собрал решительно всех воинов, какие могли за мною следовать, прошел с ними в горы Мызд и там остановился. Вскоре и Сиддык Барлас с отрядом войска явился ко мне на помощь. Он прежде служил у

меня и совершал со мною походы, поэтому ему было очень приятно вновь свидеться со мною. Вместе с ними я двинулся в сторону Арсафа. Амир Хусайн прислал мне письмо, в котором выражал желание присоединиться ко мне, но просил для этого прислать ему войска. Я отрядил Сиддык Барласа с сорока всадниками и послал на помощь к амиру Хусайну, а сам двинулся дальше. По дороге я увидел на возвышенности черное пятно и, опасаясь, как бы неожиданно не наткнуться на неприятеля, я послал вперед разведчиков. Вскоре посланные возвратились и успокоили меня, сообщив, что это идет мне на помощь старый мой сподвижник Кыранчи-богадур с сотней всадников. Я принес Богу благодарственную молитву за помощь, которую он посылал мне в такую критическую минуту. Мы достигли долины Арсаф. По дороге нам встретился тигр, и я мысленно загадал, что если мне удастся убить этого тигра, то меня, значит, ждет удача во всех моих предприятиях. Я пустил стрелу и наповал убил тигра. Мы остановились в этой долине, расположившись на возвышенности. Я занялся охотой, и это занятие обеспечивало нам пропитание в продолжение всей нашей стоянки в степи Арсаф. Мы поджидали амира Хусайна, который должен был соединиться с нами. Войско мое расположилось на берегу большой реки. Однажды вечером, при лунном сиянии, я сидел на горе один. Когда пришло время ложиться спать, я произнес славословие пророку и его семейству и заснул. Вскоре я улышал голос, который говорил мне: «терпение – ключ к радости». Я проснулся в хорошем расположении духа, счастливый виденным сном. Оглянувшись кругом, я заметил, что со стороны Балха к нам приближается какая-то толпа людей. Ни слова не говоря своим воинам, я выехал вперед, навстречу приближавшемуся войску и, подъехав поближе, спросил, чьи это люди. Какова же была моя радость, когда я услышал в ответ, что приближающиеся к нам люди – амира Тимура, которого и разыскивают в степи. Меня отвели к военачальникам, и я увидел вновь давно мне хорошо знакомых начальников: Кутлук Ходжа Барласа, Амира Сайфиддина и Тунг Богадура. При моем появлении они спешили и, припав к моему стремени, плакали от радости, что меня видят. С ними вместе и с их войском я присоединился к своему отряду и устроил праздник. Вскоре, со стороны Мерва к нам подошел еще отряд. Мы опасались, что это двигаются на нас враги, но тревога оказалась напрасной: это Шир Баграм, который раньше бежал, теперь возвратился ко мне. Он устыдился своего поступка и теперь, придя с войском, присоединился к моему отряду, прося простить его и забыть старое. Я принял его радушно, угостил его на славу и примирился с ним, как будто

между нами ничего не произошло. Напротив, вместо того, чтобы гневаться на пристыженного Шир Баграма, я подарил ему золотой венец и шапку, украшенную драгоценными камнями, и этим привел его в восторг. Я даже опоясал его своим поясом. В долине Арсаф мы несколько дней пировали и веселились по этому случаю.

Четыре дня спустя к нам прибыли Хаджи Барлас и амир Хусайн с двумястами воинов. Мы были очень довольны, что нам удалось собраться вместе. С общего согласия, мы решили произвести нападение на войско Чете, и я отрядил Шир Баграма с войском к Бугай Сальдуру – коменданту крепости Дулачун, с поручением пригласить и его присоединиться к нам. Шир-Баграм, явившись к Бугай Сальдуру, передал наше приглашение, но тот ответил, что хотя он и находится издавна в дружественных отношениях со мною, но, из чувства благодарности, не может изменить Ильяс-Ходже, который, доверившись ему, поручил управление крепостью. Таким образом, Бугай Сальдур не согласился действовать с нами заодно; 300 всадников отделились от него и присоединились к нам. Вскоре мы оставили место нашей стоянки и перешли на другое. Владетели Кундуза и Бадакшана Али и Махмуд Шах Кабули присоединились ко мне с большими отрядами войск. Я их принял, щедро одарил и устроил им угощение. С общего согласия союзников, я отрядил 200 всадников, под предводительством Тикиш-богадура, и отправил их в сторону Балха. Кроме того, я послал Тамук-богадура с поручением разведать и доставить мне точные сведения о положении дел в стране Чете, но отряд этот постигло большое несчастье: при переправе через реку Термед, решительно весь отряд, с оружием и имуществом, погиб в волнах реки; никто из воинов не возвратился к своим семьям. Каким-то чудом уцелел лишь сам Тамук-богадур, который принес мне весть о случившемся и дал знать, что оказалось невозможным заставить отступить шеститысячное войско Чете и что хотя некоторые из этих воинов были убиты, но остальные безнаказанно ограбили окрестности Термеда.

Получив такие известия, я немедленно двинулся со своими поисками и остановился на берегу реки Джайхун (Аму-Дарья). Тикиш-богадур в это время возвратился ко мне, он был счастливее Тамук-богадура и привез богатую добычу. В это же время я получил грамоты от амира Сулеймана, Джагуй Барласа, амира Мусса, амира Джалауддина и амира Хинду; они сообщили мне, что, осведомившись о прибытии моем в долину Арсаф, где я стоял лагерем, они, недовольные Чете, задумали присоединиться ко мне с находившейся в их распоряжении тысячей всадников.

Придя к берегам реки Термед, они выслали вперед амира Тугуль-Буга, чтобы получить через него точные сведения о том, где я нахожусь. Как раз в это время амир Сайд, сын Айгу, Менгли-Буга, владетель Дулачуна и Хайдар Андхайский, по приказанию Ильяс-Ходжи и Туклук-Тимура, с шестью тысячами всадников двинулись, чтобы напасть на меня. Им удалось овладеть окрестностями Термеда и Балха, так что население Балха вынуждено было перейти реку Джайхун и стать под мою защиту.

Спустя три дня, утром, поименованные выше три военачальника, с отрядом всадников численностью в шесть тысяч человек, остановились на противоположном берегу реки Джайхун, чтобы напасть на нас. Только река разделяла нас. Я снарядил Тимур Ходжа-богадура послом к нашим врагам и поручил ему убеждать их отказаться от намерения вести против нас военные действия. В числе доводов, доказывающих, что не надо борьбы, я просил передать им, что все люди, живущие на земле, составляют как бы одно тело; поэтому, если кто нападает на другого, то это равносильно тому, как если бы человек вздумал рубить свое собственное тело и потому враждебные действия нельзя признать разумными. Эти слова мои, переданные моим послом, произвели на наших врагов сильное впечатление, они отказались от своего намерения напасть на меня. Примирившись таким образом без всякого кровопролития с моими врагами, я двинулся обратно. Через день после моего ухода, враги мои послушались совета нескольких злонамеренных людей, которые сумели убедить их в том, что с их стороны было бы позорно возвратиться, не сразившись со мной. Враги совершенно неожиданно переправились через реку Джайхун и стали выстраиваться в боевой порядок, чтобы напасть на меня. Я оглянулся на свое войско. Правда, его было мало и противник численностью войска значительно превосходил нас, но зато мое войско состояло из отборных храбрых богадуров, и я не смутился малочисленностью моих сил, а напротив, ободрился, вспомнив стих Корана: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению Божью!», смысл которого, что и немногие, с помощью Божьей, могут одолеть гораздо сильнеего врага.

До вечера сражение не начиналось. Вечером я собрал военный совет, и мы решили напасть врасплох на войско Чете ночью, но нас все-таки не оставляло опасение за малочисленность наших войск. Ночью мы заметили, что к нам приближается три отряда войск. Предполагая, что это враги наши перешли в наступление, мы приготовились встретить их, но вскоре опасения наши рассеялись – это подходили к нам: амир Сулейман, Джагуи-

Барлас и Мусса, которые отложились от хана страны Чете и с 1500 всадниками двигались к нам на помощь, возмущившись против Чете. Мы приняли их с большой радостью и устроили им торжественную встречу. Я возблагодарил Всевышнего за спасение в такую критическую минуту. Вскоре Менгли-Буга, амир Сайд и Хайдар Андхайский, с тремя отрядами войска, стали наступать на нас. В моем распоряжении находилось в это время всего-навсего три тысячи всадников, и я разделил их на шесть частей. Располагая войска в боевом порядке, я поставил впереди ряд стрелков, а за ними ряд воинов, вооруженных пиками и мечами. Эти две части моего войска с раннего утра вступили в бой и дрались до позднего вечера, но ни одна из сражавшихся сторон в этот день не имела решительного успеха: оба отряда одинаково выбились из сил. В моем распоряжении оставалось однако еще две трети моего войска, совершенно свежего и вот с этими-то силами, я ночью, врасплох, напал на утомленного боем в продолжение целого дня неприятеля. Мои воины быстро ринулись на врага с криками «Аллаяр», при звуках труб, с барабанным боем. Три раза я произвел наступление без решительного успеха, но четвертый натиск положил конец сражению – победа осталась за нами. Мы, обратив неприятеля в бегство, заняли его позицию и овладели множеством оружия и всякого имущества. Я вознес благодарственные молитвы Всевышнему, который даровал нам победу над сильнейшим врагом. Преданные мне люди пришли поздравить меня с победой, и весть о нашем успехе скоро достигла до Ильяс-Ходжи. Он немедленно распорядился послать против меня Альхакк-богадура и Кичик-бека. Этого я никак не мог предвидеть, поэтому, узнав об угрожающей мне опасности, я выступил с места стоянки после боя, отправил амира Хусайна, назначив его в Балх, а сам переправился через Аму-Дарью и расположился в степи, на зеленой поляне. Поставленные мною сторожевые посты, не ожидавшие ниоткуда нападения, уснули, как вдруг с неприятельской стороны к нам быстро приблизился большой отряд войска. Некоторые палатки моих воинов, расположенные поодаль от центра лагеря, были немедленно разграблены, а спавшие в палатках люди разбежались в степь. Я сам, с бывшими подле меня богадурами, энергично стал действовать стрелами, и нам удалось не допустить неприятеля близко к нам подойти. Видя, что со стороны реки неприятеля не было, я приказал переправить на противоположную сторону реки все наши палатки и имущество, что и было быстро исполнено. Вслед за переправой имущества, переправился и я на другой берег Аму, переехав в лодке. Здесь я выбрал удобное место для лагеря, укрепил его, и

мы простояли здесь целый месяц. Войска неприятеля тоже с месяц простояли на противоположном берегу реки. Через месяц мы заметили, что неприятельский лагерь опустел, войска с места стоянки ушли, тогда я со своим войском победоносно двинулся в сторону Балха и быстро достиг местности Хульм. Амир Хусайн устроил нам здесь торжественную встречу, и я провел в этой местности 10 дней, среди пиров и развлечений. У меня явилась мысль отнять у Чете все города области Турана, и с согласия амира Хусайна мы двинулись в сторону Бадакшана и скоро пришли в местность Кундуз.

В это время от племени Юз ко мне присоединились два отряда войск, численностью всего до 1000 всадников. С этим войском я поспешил ночью подойти к Бадакшану, чтобы не дать возможности гарнизону крепостей, узнав о нашем приближении, укрепиться. Как только я подошел к местности Танаан, бадакшанские правители с подарками вышли ко мне навстречу. Взяв для усиления своего отряда от них две тысячи всадников, я отправился в Джилан, рассчитывая собрать как можно больше войска, а потом уже двинуться в сторону Чете. В это время мне исполнилось 36 лет. Придя в местность Джилан и взяв оттуда главнокомандующего с войском, я двинулся в местность Кульмак, где и остановился.

Амир Хусайн втайне желал мне зла, но не решался открыто выступить против меня. Чтобы повредить мне, ослабив мои силы, он поссорился с Пулад Бугаиром и добился этим, что Пулад Бугаир расстался со мной и ушел в свою сторону. Между тем из амиров Чете на меня двинулись: Кичик-бек, Тимурин Туклан, Сарык-богадур, Сангум-богадур, Туклук-Ходжа и Куч Тимур. Вместе с тысяцкими и войском в 20 тысяч всадников с ними же двигались теперь на меня служившие прежде у меня: Туклук Сальдур и Кай-Хисрау. Из всего своего войска мои противники выделили шесть тысяч всадников, которых и расположили в один ряд, чтобы начать бой. Я слышал в этот день, что общая численность неприятельских сил, сосредоточенных против меня, простирается до тридцати тысяч человек, у меня же, исключая войска амира Хусайна, па преданность которых я не мог вполне рассчитывать, было всего шесть тысяч человек, поэтому я был очень слаб, в сравнении с силами неприятеля.

Я загадал по Корану, и мне открылся стих: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению Божию!». Прочитав это, я успокоился. Шесть тысяч всадников начали наступление, а я, не принимая здесь боя, отступил в сторону Джилана. Враги, предполагая, что отступление мое вызвано страхом перед ними, даже не

преследовали меня, а остались на месте, не принимая никаких мер предосторожности против меня. Я прошел 32 версты вперед, потом возвратился обратно и, видя, что неприятель, никак не ожидая моего возвращения, отдыхает совершенно беспечно, я внезапно напал на моих врагов. Кай-Хисрау и Туклук Сальдур перешли на мою сторону, и мы, вместе, дважды сразились с врагом. Нам удалось обратить в бегство неприятеля; с криками: «Альферар, Альферар!» – они рассеялись в разные стороны. Многих из бежавших нам удалось захватить в плен, а те, которые были на хороших лошадях – ускакали и присоединились к отряду Ильяс Ходжи. Настала ночь, и амир Хусайн со своим войском двинулся от берега реки и пошел по направлению к Джилану. Враги наши успокоились и, хотя очень желали преследовать меня, но не решились, видя, что я обладаю достаточной силой.

Из только что окончившегося эпизода борьбы с войском страны Чете, я пришел к такому заключению, что весьма трудно победить их, действуя открытой силой, а потому, сражаясь с ними следует сначала отступать, как будто бы я испугался численного перевеса неприятельских войск, а потом, когда таким образом удастся убедить врага в моей мнимой слабости и бдительность его будет усыплена, тогда следует решительно напасть на врага. Мое намерение я привел в исполнение следующим образом: амира Муайд Арлада, Кара Богадура и Ирак Богадура я поставил против неприятеля у каменного моста, сам же я со своим войском взошел на возвышенность и там, разбив палатки, остановился. Я приказал по вершинам гор разложить как можно больше костров. Войдя в свою палатку, я стал на молитву. Не знаю, во сне или наяву, я услышал голос, который говорил мне: «Тимур, поздравляю тебя с победой». Я, услышав это, очень обрадовался. После утренней молитвы Ильяс-Ходжа, под звуки барабанов, ушел. Некоторые военачальники советовали мне преследовать войско Ильяс-Ходжи, но я, догадываясь, что его движение не более, как демонстрация, чтобы заставить меня сойти с горы, где было расположено мое войско, приказал моему отряду оставаться на месте. Благодаря этому, врагам не удалось заставить нас сделать по-своему, а наоборот, им самим пришлось возвратиться и начать сражение у подошвы горы.

Часть 4

Поражая с возвышенности людей, стоявших ниже нас, мы своими пращами нанесли войску Ильяс-Ходжи серьезный вред, перебив и ранив многих воинов. С наступлением ночи сражение прекратилось. Ночью я собрал совет, и мы решили, что для нас невыгодно стоять неподвижно на горе, а гораздо лучше сойти вниз и сразиться с неприятелем у подошвы горы. Если нам посчастливится, думали мы, то мы этим достигнем цели, если же не удастся, то мы все-таки двинемся отсюда в другую сторону. Приказав войску двигаться молча и плотными рядами, я ночью напал на войско Ильяс-Ходжи со всех четырех сторон. Произошло большое сражение, дело перешло в рукопашную. В самый разгар сражения я встретился с Ильяс-Ходжой и иронически пожелал ему «счастливого пути». Не одержав над нами верха, войско Ильяс-Ходжи, отстреливаясь, ушло в свой лагерь и там расположилось. Я также двинулся с поля сражения, последовал за войском Ильяс-Ходжи и расположился вокруг города. В это время ко мне присоединился и амир Хусайн со своим отрядом. Военачальники, пристыженные поражением и бегством, собрались в унынии, со слезами на глазах. Они порешили на общем совете драться со мной до тех пор, пока не победят меня или же сами не будут перебиты до последнего человека. Ввиду такого решения Ильяс-Ходжа приготовился к бою, как вдруг несколько человек прискакали с известием о смерти Туклук-Тимура и сообщили Ильяс-Ходже, что ему следует вступить на престол его умершего отца Туклук-Тимура. Поэтому Ильяс-Ходжа поспешил отправиться к отцу. Остающимся в крепости военачальникам Ильяс-Ходжа приказал держаться до его прихода, а сам обещал возвратиться тотчас же, как только покончит со своими делами. Намереваясь убить Ильяс-Ходжу, я, соединившись с амиром Хусайном, двинулся с войском за Ильяс-Ходжой. В это время я узнал, что в Кеш послан наместник Ильяс-Ходжи с войском. Каждые два-три дня от Ильяс-Ходжи уходило по отряду войска, которые и присоединялись ко мне. Пришедшие ко мне люди подтвердили известие, что к Кешу Ильяс-Ходжа послал войско, а потому и я, со своей стороны, послал туда амира Сулеймана, амира Сайфиддина, амира Джагу, амира Баграма и амира Джалалиддина для противодействия отряду Ильяс-Ходжи. Чтобы ввести неприятеля в заблуждение относительно численности моих войск, я приказал своему отряду как можно больше пылить, двигаясь по дороге. Приближаясь к Кешу, воины моего отряда привязали к хвостам своих лошадей древесные

ветви, чтобы произвести больше пыли, и поскакали по направлению к городу. Это наступление произвело в среде гарнизона крепости настоящую панику: войско, без всякого сопротивления, обратилось в бегство. Мое войско через неделю возвратилось с богатой добычей. Вскоре Суль Умар Баяни Сальдур присоединился ко мне с семью отрядами, а Шир Баграм тоже прибыл ко мне с извинениями и поздравлениями. Я устроил пир по случаю их прихода, но вскоре выступил со своим войском. Ильяс-Ходжа стал собирать многочисленное войско. Для защиты от меня он выставил Кичик-бека, Искандар Углана и Сафа. Я загадал по Корану, какая участь меня ожидает, и мне открылось, что мне суждено победить врагов. Это меня очень обрадовало, и я возблагодарил Бога за помощь. Придя в местность Баш-арыги, я оставил там амира Хусайна, которому приказал все время быть настороже, чтобы враги, приблизившись к нам, в первую минуту не могли сглазить нашу силу. Войско свое я разделил на семь частей и расположил в таком порядке, как располагаются на перелете журавли, и дошел до местности Кий.

В это время Кичик-бек, производя рекогносцировку со своим многочисленным отрядом, встретился со мной. Я загадал по Корану, чтобы узнать, что меня ожидает, и мне открылся стих: «Мы украсили низшее небо светилами и поставили их для отражения дьяволов, которым приготовили муку в пламени». Я обрадовался и двинул свои передовые войска навстречу войскам Кичик-бека. Отряд за отрядом, подходили мои резервы на помощь передовым. Сражение затянулось надолго, в моем войске произошло замешательство, и я поспешил присоединиться к войску с моими богадурами. Когда я присоединился, войско Кичик-бека обуял страх. Вслед за мной со стороны неприятеля вступили в бой: Искандар Углан, амир Юсуф и амир Хамид. Я, со своими богадурами, пролил немало крови: в рукопашном бою мы рубили врагов мечами. Во время сражения лошадь Кичик-бека упала под ним, и нам удалось взять его в плен. Для того чтобы освободить из плена Кичик-бека, амир Хамид и амир Юсуф с ожесточением напали на нас. Один из пеших воинов с такой силой ударил лошадь амира Хамида, что лошадь упала, и амир Хамид был тоже взят в плен. Амир Юсуф повернул лошадь и вскачь бросился назад, но по пути стремя его запуталось за стремя встречного всадника, и амир упал и тоже попал в наши руки. Искандар Углан бежал и присоединился к Ильяс-Ходже. Довольный только что одержанной победой, я взъехал на гору и стал собирать рассеянные толпы в одно место. Войско мое быстро собралось, и я снова бросился на отряд Ильяс-Ходжи. Я одержал верх, но в то время, когда я намеревался схватить самого Ильяс

Ходжу, на помощь к нему прискакал Искандар Углан и сам попал в плен, а Ильяс-Ходже удалось убежать. Мы бросились в погоню за Ильяс-Ходжой. В моем войске почти не было ни одного воина с пустыми руками, так много мы захватили пленных, лошадей, оружия и имущества. Я приказал привести к себе всех пленных, чтобы переговорить с каждым из них сообразно его положению. Я принес Богу благодарственную молитву за дарованную мне победу и перешел с войском в местность Кар, где и остановился. Я разрешил своему войску праздновать победу, пировать и веселиться, а сам через день приказал привести к себе взятых в плен военачальников Ильяс-Ходжи.

Прежде всего я обратился к Кичик-беку и, похвалив его за верность своему государю, старался разного рода обещаниями склонить его к переходу снова на мою сторону, но он не согласился подчиниться мне.

Такую же похвалу я воздал амиру Хамиду. После них я выразил свое горячее одобрение Искандар Углану за то, что он пожертвовал собой за Ильяс-Ходжу; я просил пленных военачальников объяснить мне, чему следует приписать, что они, обладая таким многочисленным войском, были тем не менее побеждены. Они ответили, что, по их мнению, это объясняется тем, что слава о моей непобедимости внушает воинам моих врагов такой панический страх, что каждый мой удар по силе действия равен тысяче ударов.

«Какому же наказанию должен я вас подвергнуть», – спросил я. Они ответили, что заслужили казнь, но что в таком случае в стране Чете найдется много людей, которые сочтут своим долгом отомстить за своих соотечественников; если же я отпущу пленных, то слава о моем великодушии привлечет ко мне многих людей, которые подчинятся мне, узнав о милостивом отношении моем к пленным. «Ты сам знаешь, что лучше: мстить или прощать», – говорили мне пленные. Я снова попробовал заманчивыми обещаниями склонить их к переходу на мою сторону, но они не согласились, и я убедился в непоколебимой преданности их своему повелителю. Щедро одарив их, я освободил их и других пленных и отправил всех к Ильяс-Ходже. Вскоре я получил известие, что Ильяс-Ходжа пришел на берег Сыр-Дарьи у Ходжента. Я немедленно двинулся туда с войском, но не нашел Ильяс-Ходжи. Амира Сайфиддина и амира Джагу я послал, чтобы овладеть Самаркандом, а сам я стал охотиться и с охотой тоже приблизился к Самарканду. Много моих родных и знакомых вышли ко мне навстречу со словами: «истинное дело исполнилось».

Я остановился в Самарканде и послал человека, чтобы

собрать отставших по дороге воинов. В это время мне исполнилось 37 лет.

Племена страны Чете, без всякого постороннего влияния, начали враждовать между собою и возмутились против своего правительства. Желая быть полновластным правителем, я отправился для отражения их. В это время я получил сведения, что амир Хусайн, тайно действуя во вред мне, сговаривается с начальником племени Тумны, что меня делать ханом не следует, а надо выбрать Караджуй Чагатая. Я написал амиру Хусайпу письмо, в котором высказал мнение, что на царство годен лишь тот, кто много и счастливо воевал и кто уничтожит врагов. Амир Хусайн, сговорившись с начальниками племени Тумны, отыскал находившегося в бедности и неизвестности Кабуль-Шаха, внука Чагатай-хана, и посадил его на престол. Я пришел в Кеш и там остановился. Когда наступила весна, распространился слух, что мятежники Чете с большим войском намерены напасть на Мавераннахр. Амир Хусайн в страхе поспешил собрать совет преданных ему военачальников, и они порешили, что война с войском Чете без моего участия немыслима. Будучи в безвыходном положении, они написали мне прошение. Хусайн писал, что он – мой верный друг, что свою дружбу ко мне он докажет потом; что, не подражая обыкновенному приему – уверять в своей преданности, писать об этом, он просто догадывается о моем к нему расположении по симпатии, которую он сам чувствует ко мне. О поданном мне прошении узнал и воспитатель Кабуль-Шаха. Он сейчас же умертвил Кабуль-Шаха и поспешил прийти ко мне, предлагая мне принять его к себе на службу. Я, находя, что он очень дурной человек, если решился убить своего повелителя, и, желая, чтобы он достойным образом был наказан за свое гнусное злодеяние, отослал его к наследникам убитого им Кабуль-Шаха, чтобы они могли убить злодея так же, как он убил их родственника.

Потом я собрал много войска и сообщил амиру Хусайну, что я собираюсь идти войной на Чете, и отправился для защиты пути через Дарью. Всего у меня собралось до семи тысяч войска, которое я и разделил на семь частей. Я послал гонца к амиру Хусайну, и он, присоединившись ко мне, расположился вблизи моего стана. Мои шпионы донесли мне о положении дел в войске Ильяс-Ходжи следующее: Ильяс-Ходжа со всем своим войском остановился в местности Бад. Правым и левым флангом командуют в его войске Сангин-Богадур и Хаджи-бек, а сам Ильяс-Ходжа с богадурами находится в центре. Кипчак-богадура Ильяс-Ходжа выслал на разведку вперед. Я, в свою очередь, послал на рекогносцировку: Альджай-ту, Шир-Баграма, Пулат-

буга, амира Пархат и Малик-богадур, под общим начальством

Кутлуш Саланчи Арлата. На фланге я назначил Саз Буга и Тимур-Ходжу, а остальных богадуров оставил при себе. Амир Хусайн перешел реку. Я высказал ему, что, по моему мнению, следует нам обоим с двух сторон одновременно напасть на войско Ильяс-Ходжи, но амир Хусайн не согласился со мной: он находил, что не следует разделять свои силы надвое; видя, что убедить его нет никакой возможности, я решил последовать его совету.

Вскоре перед нами появилось войско Ильяс-Ходжи.

Видя многочисленность войск неприятеля, я смутился и, следуя усвоенному мною обычаю, загадал по Корану. Мне открылся стих: «Бог уже помогал вам во многих битвах». Я получил уверенность в успехе, прочитав этот стих. В это время с обеих сторон передовые отряды вступили в бой. Со стороны неприятеля Хаджи-бек, смяв Саланчи-богадур, бросился на отряд амира Хусайна и, с первого же натиска, обратил его воинов в бегство: войско разбежалось в разные стороны. Я молился, чтобы Бог послал побольше твердости в бою остальным моим начальникам и войскам. В это время амир Шамсутдин, со своим отрядом, тоже направился в сторону отряда амира Хусайна. Я, с находившимися подле меня войсками, напал на амира Шамсутдина, смял его и прогнал к отряду Ильяс-Ходжи. Удар был настолько силен, что произвел панику в войске Ильяс-Ходжи. Амиру Хусайну я послал приказание, чтобы он скорей двигался на соединение со мной, что неприятель испуган и поэтому следует теперь же напасть на него, так как расстроенного неприятеля легче победить и обратить в бегство. Амир Хусайн без всякой уважительной причины не исполнил моего распоряжения и не пришел, хотя я посылал за ним 10 раз. Мне стало ясно, что амир Хусайн изменил мне. Видя это, я отступил и остановился. Войско неприятеля было также измучено, и они тоже отступили. В эту ночь я не имел возможности ни на минуту слезть с лошади. Амир Хусайн, пропустив удобный момент, когда надобность в нем миновала, присоединился ко мне. Мы поставили с четырех сторон сторожевые посты и под их прикрытием провели ночь спокойно. Настало утро. После заклинаний «ядачи», находившихся при войске неприятеля, пошел сильный дождь, что нам крайне повредило, затрудняя наше движение. Несмотря, однако, на это неудобство, я со своими богадурами начал сражение, приказав трубить в трубы. Вскоре нам удалось поймать и убить «ядачи», накликавшего дождь, и дождь тотчас же перестал. Я с войском бросился на неприятеля с такой силой и стремительностью, что враг не в состоянии был вынести натиск и

войско Ильяс-Ходжи разбежалось. Мои воины их преследовали, а я с двумя тысячами всадников остался на месте и приказал играть военной музыке.

Вдруг, совершенно нечаянно, на нас напал амир Шамсутдин, который тогда был главнокомандующим, с несметными полчищами войска. Я тотчас же послал ему навстречу тысячу всадников. В этот день сражение продолжалось без перерыва до наступления темноты. Тысяча всадников, посланных мною, все погибли вследствие многочисленности врагов. Убедившись, в этом, я решил, что невозможно продолжать бой, и в эту же ночь выступил по направлению к городу Кеш. Вот что случилось с нами из-за того, что амир Хусайн не захотел последовать моему совету – напасть на Ильяс-Ходжу сразу с двух сторон. Для меня стало ясно, что двоевластие в военном деле крайне пагубно отражается на успехе военных предприятий и потому немыслимо. Подтвердилась поговорка, что две головы рогатых баранов (кочкар) нельзя сварить в одном котле. Амир Хусайн, перейдя Аму-Дарью со своими родственниками и приближенными, остановился на берегу реки, рассчитывая бежать в Индустан, если враги двинутся в его сторону. Амир Хусайн и меня приглашал последовать за ним, но я отказался и сказал, что рассчитываю предварительно собрать побольше войска и тогда надеюсь с успехом напасть на войско Ильяс-Ходжи. Вскоре я собрал два отряда. До моего сведения дошло, что военачальники Чете с войском пришли и расположились в самаркандских горах. Поэтому я поспешил назначить три отряда войск под начальством Тимур-Ходжи Углана, Аббас-Богадура и Чадырчи Богадура, которым я приказал возможно скорей напасть на войско Чете. За первыми тремя отрядами я отправил еще два, под начальством Дауд-Ходжи и Инду-Шаха, которым приказал составить резерв для передовых отрядов. Эти два отряда скоро догнали передовых, но те, своим малодушием, уничтожили и в двух задних отрядах всякую уверенность в победе и потому Дауд-Ходжа и Инду-Шах повернули назад. Я вскоре узнал о случившемся. Бежавшие военачальники и сами были смущены своим поступком. По дороге они встретили только Кепек Тимур-богадура, главного военачальника Чете, дрались с ним, бежали и, по одиночке, возвратились ко мне. Собрав рассеянные войска, я двинулся с находившимися при мне отрядами в сторону Балха и остановился на берегу реки Аму. В этом месте ко мне присоединилось много народу. Кепек-хан, Туман и Ильчи-Бугай Сальдур с большим войском пришли ко мне. Мы получили известие, что войска Чете осадили и разграбили несколько городов. Встревоженный этим, я переправился через Аму-Дарью. В это время из Самарканда нам

дали знать, что туда пришли враги. Жители, по имев крепости, баррикадировали улицы и рассчитывали, что я с войском приду к ним на выручку. Я немедленно двинулся к Самарканду с тысячей всадников.

По дороге до нас дошли еще более печальные вести: в запертом неприятельским войском городе Самарканде был жестокий холод и свирепствовала моровая язва. Я пошел скорее и нашел жителей в ужасном положении: я не обратил внимания на Самарканд, а оставив для военных действий у Самарканда амира Джагу, амира Сайфуддина, Ак-Буга, Ильчи-богадура, сам отправился в сторону Баклана. Когда я пришел в область Баклан, ко мне явился и амир Хусайн. Выступив из Баклана, я перешел в Карши, чтобы провести там зиму. Я распустил все свое войско и приказал воинам вновь собраться ко мне к празднику Науруз, весной.

В это время мне исполнилось 38 лет. Город Карши также назывался Кепек хан магмурасы; я приказал сделать вокруг города крепостную стену и украсил внутренность города многими зданиями. Наступила весна. По совету амира Хусайна я отправился к Самарканду. Вблизи города мы разбили палатки свои и расположились лагерем.

Амир Хусайн находился при мне, по втайне он завидовал моим успехам на войне и потому, когда я собирался идти на Самарканд, амир Хуайн вздумал требовать отчета от моих амиров, хотя они все доходы тратили на войско. Такой поступок амира Хусайна до такой степени возмутил меня, что я хотел его убить, но в это время мне пришел на память стих Корана:

«Рай приготовлен тем, которые укрощают гнев и прощают людям. Бог любит благотворительных», и я отказался от своего намерения. Я послал письмо амиру Хусайну и высказал ему, что не нахожу ничего предосудительного с его стороны в том, что он добивается получения братской доли, и послал ему много верблюдов и лошадей. Сестра амира Хусайна, Альджой Туркан-ага, послала своему брату в подарок много скота, имущества и драгоценностей; амир Хусайн все это взял с жадностью. Я послал ему много денег, он получил их, но не зная предела своим желаниям, он все был недоволен тем, что имеет. За такую жадность и скупость мои военачальники возненавидели амира Хусайна.

Когда войска Чете напали на города, военачальникам приходилось производить расходы на приведение крепостей в оборонительное положение. Амир Хусайн, из скупости, несправедливо обвинил нескольких военачальников, но эти военачальники в доказательство своей правоты представили ему

мой приказ о возведении укреплений. Вообще во время этой неурядицы амир Хусайн из корысти притеснял многих жителей Самарканда. За такие действия амира Хусайна население Самарканда было им крайне недовольно, и хотя я не нарушал правил дружбы к родственникам, жители старались настроить меня против него. В это время враги амира Хусайна возбудили против него некоторых из его приближенных и направили их ко мне.

Я несколько раз приказывал им возвратиться к амиру Хусайну и повиноваться ему, но они меня не послушались. Тогда я сообщил об этом амиру Хусайну и просил его простить вину этим изменникам и взять их к себе, но амир Хусайн не согласился на мое предложение. После этого амир Муса и Али Дарвиш-Джалаир, зять, но враг амира Хусайна, утвердили во мне вражду к нему и написали мне письмо, что они намереваются убить амира Хусайна. Мои недоброжелатели, желая повредить мне, написали амиру Хусайну подложное письмо от имени моей жены, в котором сообщали, что будто бы я замышлял убить амира Хусайна. Он прислал мне это письмо, и я ему тотчас же дал знать, что письмо подложно. Кроме того, желая еще более доказать амиру Хусайну, что я не желаю ему зла, я послал к нему амира Мусу и Али Дарвиша, но они с дороги бежали в сторону Ходжента. Казалось бы, что самое бегство этих двух людей должно было бы окончательно убедить амира Хусайна в подложности присланного ему от имени моей жены письма, но амир Хусайн и этому доказательству не придавал значения, и я окончательно убедился, что он против меня восстановлен и желает мне зла. Продолжая относиться к амиру Хусайну дружески, я спросил Шир-Баграма, как он понимает отношение ко мне амира Хусайна, и тот откровенно ответил, что не подлежит сомнению, что амир Хусайн из зависти желает мне зла. Я просил Шир-Баграма привести доказательства справедливости его заключения, и он высказал, что удостовериться в неискренности амира Хусайна очень легко, так как если он ко мне самому расположен, то он должен милостиво относиться и к служащим у меня, а потому посоветовал написать амиру Хусайну просьбу о помиловании от его имени и от имени других военачальников, которые прежде служили у амира Хусайна, а потом перешли ко мне; если амир Хусайн, прочтя их просьбу, отнесется к ним благосклонно, то значит, он и ко мне расположен, если же не помилует всех обратившихся к нему с просьбой, то это послужит мне доказательством, что амир Хусайн и мне желает зла. Шир-Баграм с несколькими военачальниками написали упомянутую просьбу и отправили по назначению. Амир Хусайн, получив

прошение, разорвал его и высказал при этом, что он не только не согласен простить просителям их вину, но от души был бы доволен, если бы ему удалось всех их убить. Услышав об этом, я решил покончить с амиром Хусайном, и тотчас же послал Баграма с Адиль-богадуром в область Джиян, чтобы они собрали там и привели ко мне войско. Шир-Баграм собрал много людей и укрепился в Сат-руни и Каите. В это время амир Хусайн стал льстивыми обещаниями склонять Шир-Баграма изменить мне и вновь перейти к нему на службу. Это удалось ему. Когда я узнал об измене Шир-Баграма, я написал ему письмо следующего содержания: «Презренный! Ты сам поссорил меня с амиром Хусайном, ты зажег огонь, от которого сам сгоришь и будешь растоптан». Так в конце концов и случилось. После этого я послал к Ходженту Аббас-богадура и амира Джагу, но они, видя, что ссора между мною и амиром Хусайном не может окончиться примирением, за благо рассудили остаться там, и я об этом узнал. В это время мне исполнилось 39 лет. Когда я двигался от Карши к Самарканду и сделал уже один переход, амир Сулейман и Чадырчи бежали от меня и присоединились к амиру Хусайну. Вскоре умер амир Хызр Ясури. Тогда Али Дарвиш, Ильяс-Ходжа, Махмуд бежали от амира Хусайна и присоединились ко мне. В то же время возвратились из Ходжента и пришли тоже ко мне амиры Джагу, Аббас и Баграм Джаллаир. Я прибыл в Самарканд. Жители этого города обратились ко мне с просьбой, чтобы я, по своему усмотрению, поставил им правителя. Я назначил для этой цели Кара-Хинду. Когда я ушел из Самарканда, я узнал, что поставленный мною правитель, индеец душой, мне изменил и перешел на сторону амира Хусайна. В это время я был огорчен печальным известием: моя жена Альджой Туркан-Ага, сестра амира Хусайна, скончалась. Я вспомнил при этом стих Корана: «Те, которых постигнет какое-либо бедствие, говорят: „мы во власти Бога, и к нему возвратимся“». Амир Хусайн, услышав о смерти своей сестры, тоже был очень огорчен. Со смертью моей жены прекратилось и наше родство с амиром Хусайном: между нами не осталось ничего, кроме вражды и ненависти. Посоветовавшись со своими военачальниками, я стал собирать войско, чтобы напасть на амира Хусайна. Я молился Богу со словами: «Он лучший из защитников, и на него можно полагаться». Выйдя из Карши, я прежде всего послал амира Сайфиддинас отрядом вперед, в Джаганы, чтобы разведать о намерениях амира Хусайна. Вскоре я получил от моего посланного письмо, в котором тот предупреждал меня, что враг мой втайне делает приготовления к войне со мною, но действует больше хитростью. Амир Сайфиддин советовал мне быть

осторожным. Я двинулся в город Кахлака, и в это время получил от амира Хусайна письмо, в котором он высказывал желание заключить со мной нерушимый союз, и не на словах только, а вполне искренно. При этом амиры Ясура, которые опасались амира Хусайна, думая, что мы вскоре примиримся, задумали бежать. Узнав об этом, я разорвал в их присутствии письмо амира Хусайна и убедил всех военачальников моих, что дело между нами может быть решено только мечом. Это мое решение произвело на всех весьма отрадное впечатление. Амир Хусайн, узнав, что я не намерен помириться с ним, отступил. Я возвратился в Карши.

Через несколько дней амир Хусайн, выслав вперед Шир-Баграма, двинулся с целью победить нас хитростью и, придя в Уч-Ганы, остановился. Я находился в Хырасе. В это время ко мне явился казначей амира Хызра и доставил мне Коран, на котором, по его словам, амир Хусайн дал клятву, что никогда не будет враждовать со мной и что если он еще позволит себе что-либо предпринять во вред мне, то пусть он будет моим пленником. При этом посол добавил, что амир Хусайн желал бы принесенную им клятву повторить, для вящего убеждения, в моем присутствии, а потому и просит меня прийти для свидания с ним в долину, принадлежащую Кичик-беку. Между тем в назначенном для предполагаемого свидания месте амир Хусайн озаботился приготовить два отряда войск, чтобы взять меня в плен, если я туда приду. Я догадался, что и клятва и приглашение – не больше как хитрость со стороны моего врага; поэтому, чтобы не дать возможности амиру Хусайну восторжествовать надо мною посредством предательства, я, со своей стороны, тоже расставил в разных местах степи отряды своих богадуров. Между тем от амира Хусайна пришло известие, что он выступает в долину без войска, в сопровождении лишь свиты в числе 100 всадников и что меня он просит довериться ему и также идти в долину без войска. В середине долины, писал амир Хусайн, есть хорошее место, мы там встретимся. Зная о хитрости амира Хусайна, я выступил в долину с тремястами всадников, а амир Хусайн взял с собой до тысячи всадников. Издали заметив двигавшегося ко мне навстречу амира Хусайна, я остановился. Тайно поставленные амиром Хусайном военачальники и отряды напали на меня; скрытые мной для моей защиты воины явились с двух сторон и начали сражение. Удар моих богадуров был так силен, что войско амира Хусайна не выдержало и первого натиска моих воинов и в страхе обратилось в бегство. Мои богадуры преследовали войска амира Хусайна и при этом многих убили и ранили. Беглецы направились к знамени своего властелина, который в это время,

будучи вполне уверен, что я буду взят в плен его войсками, спокойно поджидал, когда меня подведут к нему связанного. Но каково же было его смущение, когда он увидел бегство своих воинов и полную неудачу в своих замыслах против меня! Гнев его обрушился на Шир-Баграма.

Оставшись таким образом победителем, я двинулся обратно в Карши и там, довольный своим успехом, отдыхал. Находясь в Карши, я все-таки не терял из виду своего врага и прилагал все усилия к тому, чтобы иметь самые точные сведения о том, что предпринимает амир Хусайн. Собрав своих военачальников, я высказал им, что всякий из них, кто будет служить мне верой и правдой, может рассчитывать, что я буду обращаться с ним как с братом, я всегда разделял между ними всю добычу и впредь буду поступать так же. Всех же, кто не чувствует ко мне доверия и искренней преданности, я просил тотчас же удалиться от меня. Все собравшиеся уверили меня в своей преданности, поклялись в верности мне и собственноручно подписали договор следующего содержания: «Сим мы даем торжественное обещание никогда не покидать амира Тимура. Мы призываем в свидетели Бога и, если мы изменим своему слову, пусть Всевышний нас за это накажет». Таким образом я убедился в преданности мне моего войска. Я двинулся в Бахан, чтобы подчинить себе племя Санджар. До меня дошли сведения, что амир Хусайн 12 000 всадников под предводительством амира Мусы и амира Малик Богадур отправил для завоевания гор Карши и для следования за мной. Я, не зная, что предпринять, подкрепил обещаниями наград бодрость духа моих войск и продолжал двигаться к Санджарам, а вперед послал дать знать этому племени, что я иду к ним. Санджары были раньше облагодетельствованы мною, а потому из благодарности они поспешили выслать мне навстречу отряд в тысячу человек конницы и богатые подарки; некоторых из моих амиров они пригласили в свою столицу и угостили.

На некоторых из своих амиров я не мог вполне положиться и не был уверен в их преданности. Когда весть о моем недоверии дошла до этих амиров, они пришли ко мне с Кораном и с мечами и сказали: «Если ты веришь в нашу клятву, то вот Коран: если же ты хочешь убить нас, то вот меч». Я принял их очень милостиво и убедился в их верности. Это были: амир Джагу, Абу Тимур, амир Сарыбугай, Джалаир, амир Муайид Барлас, амир Сайфуддин-Богадур, амир Аббас, Хасан-богадур, Ак-Буга, аир Муайид Арлад, Ак-Тимур-богадур, Ильчи Буга-богадур, Аббас-богадур Кипчак и Махсуд Ша-Бухари. Так все они еще раз убедили меня в верности мне, и я спокойно двинулся, чтобы занять крепостные ворота. Каждого из привратников, которые просыпались при их

приближении, они убивали, но все-таки крики сторожей разбудили население крепости. Тогда я приказал сразу затрубить во все трубы и бить во все барабаны; этот шум произвел на сонных жителей такое впечатление, как будто бы случилось землетрясение, и все пришли в неописуемый ужас, а воины, составлявшие гарнизон крепости, попрятались в дрова и солому. Комендант крепости, сын амира Мусы, Мухаммед-бек взобрался на крышу и до самого утра распоряжался сражением. Наконец настал день, и Мухаммед-бек, видя, что перевес на нашей стороне, сошел с крыши во внутренность дома и там заперся. Дом этот мы зажгли, все бежавшие были взяты в плен и доставлены ко мне. Наконец, привели и Мухаммед-бека, сына амира Мусы. Предо мною предстал очень молодой юноша, почти мальчик, и я, удивляясь его храбрости, обошелся с ним, как со своим сыном. Я пощадил население, а добычу разделил поровну между своими воинами. Я расположил свои войска по крепостным веркам, причем к воротам Хызар я поставил амира Сар, амира Сайфуддина, Дауда и Муайяда, а Сюр Гитмиш-Углана, амира Аббаса, Хасан-богадур и Ак-Буга я расположил у других ворот по сторонам крепости. Остальных своих воинов я расположил по башням крепости. Семейству амира Мусы я оказал милость и отправил всех членов его семьи к нему. Между тем амир Муса, когда до него дошли слухи о взятии нами крепости Карши, тотчас же, сообщая с Малик-богадуром, собрал до двенадцати тысяч войска, состоявшего из храбрых всадников и двинулся по направлению к Карши, чтобы отобрать у нас крепость. Это случилось таким образом: амир Муса с двенадцатитысячным войском осадил меня в крепости Карши. Я тотчас же отрядил амира Муайяд Арлада с 40 всадниками и Ильчи-Буга с таким же конным отрядом из 40 человек и послал их вечером в субботу напасть на амира Мусу. Они произвели такую панику в войске амира Мусы, как будто волки напали на стадо баранов. Хотя из посланных мною воинов некоторые были избиты и ранены, но зато в войске неприятеля они очень многих перебили, ранили и, захватив в плен, привели ко мне. В числе пленных, между прочим, оказался и Шадраван-богадур. Я решил оказать этому пленнику гостеприимство, принял его с почетом, устроил ему угощение, а затем представил на его усмотрение: вернуться к амиру Мусе или же остаться у меня. Шадраван-богадур высказал желание служить мне.

Через три дня я послал Ак-Тимура к амиру Мусе в Шадраван. Он быстро двинулся и храбро напал на войско амира Мусы. Ему удалось отбить у врага и привести ко мне сто лошадей. Кенджи-богадур с 200 всадниками, заняв одни ворота, находился за

стенной. Ильчи-Буга и Ак-Тимур-богадур с шестьюдесятью всадниками, положив через ров дощатый мост, вышли из крепости перебили пращами и изрубили до тысячи двухсот неприятельских воинов. В это время на помощь неприятельскому отряду прибыл Тага-Буга-богадур, а я со своей стороны выслал на помощь моим воинам Биргучи-богадура. Оба отряда с такой отвагою бросились в бой, что все видевшие сражение не могли удержаться от удивления и одобрения. Во время боя был такой случай: со стороны неприятеля приблизился известный своей храбростью и физической силой Узбек и замахнулся, намереваясь ударить тяжелой палицей по голове Газа-Буган-богадура, но Газа-богадур сам схватил руки Узбека вместе с палицей, сложил их ему за спину и привел его в крепость, как птицу, которую держат за оба крыла. Бывшие свидетели этого случая говорили, что Газа-богадуром совершен был подвиг, напоминающий деяния древних богатырей Рустана и Исфандиара. Поэтому все неприятельские воины испугались и скрылись за ров, но и там их преследовали мои богадуры и прогнали их. Амир Муса и Малик-богадур с испугу спрятались в садах. Тугуль-богадур с двумястами всадников напал на отряд моих богадуров и потеснил их. Заметив, что мои богадуры отступают, я приказал трубить в трубы и бросился к ним на помощь; увидя меня, оробевшие было богадуры снова вступили в бой и перебили много врагов между стенами. На Ильчи-Буга и Тугуль-богадура мои воины бросились с мечами через пролом в стене. Оба со своими отрядами бежали. В погоню за ними кинулись амир Баграм и Маджур Хорасанский, но первый из них почему-то принял Маджура за моего врага и убил его.

Амир Муса, не зная, что предпринять, послал на ворота Хызар отряд в пять тысяч человек. Четыре тысячи воинов, под личным предводительством амира Мусы, напали на меня. Я первоначально противопоставил нападающим лишь 100 всадников, но они не могли справиться с значительно сильнеешим неприятелем; поэтому, чтобы помочь моему войску, я сам открыл стрельбу. Один из брошенных снарядов весьма удачно поразил самого амира Мусу, который так испугался, что сейчас же бежал в свою сторону с семитысячным войском. Те же пять тысяч человек, которые под предводительством Малик-богадура воевали у ворот Хызар с амиром Сайфуддином и амиром Сары-Буга, после нескольких нападений моих богадуров тоже бежали и Малик-Дауд их преследовал. Эти пять тысяч человек, спасшись бегством, присоединились к амиру Мусе. Они до того перепугались, что оставили в степи Арзу-Малик-ага – дочь Баязид-Джелаира, жену амира Мусы. Я обрадовал ее милостью и

отослал к одному шейху.

Мы преследовали неприятеля до Кизыл-таг. После этого мы, с общего согласия, решили зимовать, и бухарские военачальники находили это выгодным; я возвратился в Кеш, так как город был обильно снабжен продовольствием и хорошо укреплен. В сторону Бухары я отправил отряд под предводительством Махсуд-Ша и приказал овладеть городом. Бежавшие от Карши войска амира Хусайна слышали, что амир Хусайн их проклял, устыдились и, выбрав себе предводителем амира Мусу, в числе десяти тысяч человек, под начальством десяти амиров, двинулись, чтобы взять Бухару. Я послал против них бывшего в то время правителем Герата Малик-Хусайна, который раньше испытал мое великодушие. Сам я, снисходя к настойчивым просьбам жителей области Мавераннахр, отправился туда. Я вместо себя оставил при войске старшего своего сына, Мухаммад-Джагангира, а регентом (аталыком) к нему назначил Мубарак-Ша.

Я загадал по Корану, и мне открылся стих: «Кто уповает на Бога, тому он дает довольство: Бог совершит свое дело». Я очень обрадовался. Переправившись через Аму-Дарью я был в нерешительности, куда мне следует направиться: в Самарканд или Бухару. В это время пришло известие, что большая часть войска из отряда амира Мусы сосредоточена близ Карши, поэтому я туда и направился. Быстро напал я на врагов, обратил их в бегство и взял в плен амиров Кайсара и Урдашиха и овладел богатой добычей, которую и разделил между своими воинами. Услышав об этом, Хинду-шах и амир Сулейман, с пятью тысячами всадников бежали и стали собираться в заранее условленном месте, чтобы приготовиться к военным действиям. Я узнал об их приготовлениях и решился внезапно напасть на них. Все свое войско я разделил на семь частей. Шейх-Али-богадура и амира Джагу я выслал на разведку, начальниками частей войска я назначил: Дауд Барласа, Сару-Джо-богадура, Хинду-Шаха, Ильчи-богадура, Али-Яссури и Махмуд-Ша. В это время я получил известие, что враги, собравшись вместе, сами намерены сделать на меня нападение. Я сам тоже стал собирать свое войско и готовить его к бою в степи Кузы. Наконец, мы увидели издали приближавшееся к нам неприятельское войско. Заметив, что они идут несколькими отрядами, я приказал начать сражение передовым отрядам, которые находились на правом и левом флангах и на поддержку им я выслал еще много войска. Сражение было кровопролитное и продолжалось с утра до вечера. Я сам с несколькими богадурами без страха бросился в бой. С помощью Божьей мне удалось рассеять моих врагов как дым. Я взял многих в плен и овладел большим количеством оружия. Я вознес к Богу

благодарственную молитву за дарованную мне победу. Мое войско преследовало бежавших, и многие из врагов были захвачены в плен. В числе пленных между прочими оказался Альджай-Ту-Султан Толканский. Увидев меня, он сказал, что из благодарности он был предан амиру Хусайну и служил ему, а теперь он готов служить мне с такою же преданностью, если только я того пожелаю. «Если же ты не желаешь принять меня к себе на службу, – добавил он, – и находишь нужным казнить, то пусть так и будет». Я поспешил ободрить Альджай-Ту и хвалить его храбрость. Некоторые из моих военачальников советовали мне убить Альджай-Ту, но я не согласился, а напротив, обласкал его и назначил начальником отдельной части, снабдив его грамотой. Он был в восторге от моего великодушия. Впоследствии этот Альджай-Ту оказал мне столько важных услуг, что и описать невозможно. Таким образом я прогнал войско амира Хусайна.

Чакыр-богадур занял Самарканд; чтобы задержать его там я выступил по направлению к Самарканду. Я написал письмо Чакыр-богадuru и приглашал его добровольно подчиниться мне... Я обещал ему в награду за преданность мне назначить его амиром, но Чакыр ответил мне, что он предан амиру Хусайну и считает его своим благодетелем. «Если я изменю амиру Хусайну, – писал Чакыр, – то кто же мне после этого поверит?» Я не мог не похвалить такую преданность Чакыр-богадура своему повелителю. Я подошел к Самарканду, и оттуда вышел с войском Чакыр-богадур и вступил в бой с моими войсками. С первого же удара мне удалось обратить в бегство войска неприятеля. Ак-Тимур преследовал их до ворот города и даже отнял у Чакыр-богадура его пояс. Возвратившись, я приостановился некоторое время на одном месте. Мне дали знать, что преданные амиру Хусайну люди приходили из области Киш, заняли мачук и он сам он движется сзади. Я собрал совет и обсудил со военачальниками план действий. Перейдя реку Ям я в четыре перехода достиг Ходжента.

Амир Хусайн не любил двух своих военачальников, и оба они знали об этом то были Кай-Хисрау и Баграм-Джалаир, которые раньше бежали от меня и перешли на службу к амиру Хусайну. Оба они, зная нерасположение к ним амира Хусайна, прислали мне письмо, в котором сообщили мне, что обратившись к хану Чете, они получили от него в помощь семь тысяч всадников, с которыми и прибыли в Ташкент, чтобы служить мне, и ожидают меня в Ташкенте. Я поспешил двинуться туда. Амир Кай-Хисрау устроил мне торжественную встречу и богатое угощение. Я прожил в Ташкенте целый месяц. Амир Кай-Хисрау был женат на

дочери амира Туклук-Тимура, и у него была дочь, которую я сговорил за своего сына, Мухаммад-Джагангира. Амиру Баграму я дал высокое назначение. В это время до меня дошли сведения, что амир Хусайн остановился в Гираке и Яйлаке.

Я узнал из достоверных источников, что амир Хусайн разрешил двенадцатитысячному войску напасть на меня и немедленно выслал вперед Малик-богадура с тремя тысячами всадников. Я прибыл с поиском в Джаган-шах и рассеял в разные стороны направленное против меня войско. Все добытое во время сражения неприятельское имущество и оружие я разделил между своими воинами. Кай-Хисрау вскоре тоже присоединился ко мне.

С общего согласия мы остановились в местности Варак и оттуда тремя отрядами двинулись дальше. Чтобы устроить врага, мы распустили слух, что пришли монголы и распустили монгольское знамя. Так мы догнали Малик-богадура. Увидя монгольское знамя, войска Малик-богадура в страхе бежали и присоединились к амиру Хусайну. Оставшись таким образом победителем, я отправился в местность Рабат-Малик. Там амир Кай-Хисрау торжественно встретил меня и поздравил с победой.

Мы было расположились на отдых, предполагая достойным образом отпраздновать успех нашего оружия, но вскоре пришла весть, что, по слухам, амир Хусайн, устыдившись, приближается ко мне. Я тоже двинулся к нему навстречу в местность Барсын. Был сильный холод, и выпало очень много снега; я узнал, что амир Хусайн возвратился назад, поэтому и я возвратился и провел зиму в Ташкенте.

Наступило лето; посоветовавшись со своими приближенными, я решил послать хану Чете богатые подарки и просить у него помощи. Хан прислал мне десять тысяч человек конницы.

До сведения амира дошло, что ко мне прибыло подкрепление. Он написал мне письмо, в котором снова клялся Кораном, что не предпримет впредь против меня ничего и просит с ним помириться. Муллы из Ташкента, Андижана и Ходжента принесли ко мне и Коран, на котором амир Хусайн клялся искренно примириться со мной. Они, со своей стороны, просили меня не отвергать склонного к примирению амира Хусайна и помириться с ним.

Я подробно рассказал муллам все, что было раньше между мной и амиром Хусайном, ссылаясь на то, что амир Хусайн изменил уже однажды данной им клятве на Коране. Тогда муллы дали совет: не предпринимая вопроса о примирении, самим погадать об этом по Корану и поступить сообразно тому, что откроется. Вышло, что примириться следует; я согласился и двинулся по

направлению к Самарканду со всеми амирами, чтобы увидеться там с амиром Хусайном.

Чтобы убедиться, насколько искренно желает амир Хусайн со мной примириться, я послал к нему амира Мусу, а сам отправился в крепость Шадман. Турак-Ша явился ко мне и доложил, что амир Хусайн очень рад, что я ушел в Шадман, и снова передал мне от имени амира Хусайна просьбу примириться с ним. Я ответил, что я послал уже Аббас-богадура, и просил передать от меня амиру Хусайну, что я прошу его вместе с этим богадуром прийти к священному мазару Али-ата. Я, со своей стороны, обещал прийти туда же и там торжественно мы примиримся с амиром Хусайном.

Амиры Муса и Альджай-Ту, придя к амиру Хусайну, передали ему мое приглашение и привели амира Хусайна в сопровождении сотни всадников к указанному мною кладбищу. Я подъехал к кладбищу с пятьюдесятью всадниками, и мы встретились.

Амир Хусайн, обращаясь ко мне, сказал: «Забудем старую вражду». «Пусть не будет впредь между нами таких отношений, какие были раньше», – ответил я амиру Хусайну.

После этого я дал торжественное обещание, что я не преступлю нашего мирного договора до тех пор, пока амир Хусайн не изменит своей клятве, данной на Коране. То же самое обещался в точности исполнить по отношению ко мне и амир Хусайн.

После примирения мы оба сели на лошадей и разъехались в разные стороны: амир Хусайн отправился в Сали-Сарай, а я прибыл в Кеш и там отдохнул. Сыну своему, Мухаммад-Джахангиру, я написал письмо, чтобы он из Мерва явился ко мне с войском и оружием.

В это время я получил от амира Хусайна письмо, в котором он сообщал мне, что бадахшанские правители возмутились и что он отправился их усмирять. Я ответил амиру Хусайну, что желаю ему счастливого пути.

В то время когда я расположился на отдых вокруг Кеша, я получил известие, что Малик-Хусайн, правитель Герата, грабит жителей владений амира Хусайна. Я сейчас же двинулся туда с войском, перешел реку Термед, отнял у Малик-Хусайна все награбленное им и возвратил по принадлежности подданным амира Хусайна. Сам же я, чтобы помочь амиру Хусайну, отправился к столице Бадахшана.

Закончив на этом эпизоде автобиографию амира Тимура, переводчик с персидского Наби-джан-Хатыф не преминул по восточному обычаю украсить свой труд небольшим заключением следующего содержания:

С помощью Божьей я окончил эту книгу. Бог прощает всем людям их прегрешения, поэтому и я прошу благосклонных читателей не ставить мне в вину сделанные мною промахи в словах тюркского и уйгурского наречий и не сердиться на меня за эти невольные ошибки.

В 1835 году я написал эту книгу, придерживаясь в точности того, что было написано со слов самого «сахиб-уль-кырана» Тимура. Я остановился на описании примирения Тимура с Хусайном, во-первых, потому, что на этом оканчивалась и персидская рукопись а, во-вторых, и потому, что «мир лучше войны». Согласно этого изречения я и закончил свой труд описанием примирения, чтобы в конце было хорошее.